

Мария Цейтлин

*ВОЗВРАЩЕНИЕ
В БУДУЩЕЕ*

Мария Цейтлин

Возвращение в будущее

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10831516

Возвращение в будущее / Цейтлин: Книга Сефер; Тель-Авив; 2015

ISBN 978-965-7288-33-7

Аннотация

Книга Марии Цейтлин – настоящий подарок для тех, кому по душе неспешные семейные саги, истории семьи на протяжении поколений. Судьбы, переплетенные с трагедиями и праздниками 20 века и вызовами века 21... Роман написан с великолепным чувством историцизма, понимание эпохи. И это при том, что его автору его – еще совсем молодой писатель, израильтянка Мария Цейтлин. Роман будет интересен и поклонникам творчества Дины Рубиной, Людмилы Улицкой, Маргариты Хемлин.

Содержание

Пролог	5
Часть I	8
I. Хашелея	8
II. Из истории	13
III. Школа	16
IV. Куклы	20
V. Синагога	24
VI. Лягушка	28
VII. Белая травка	32
VIII. Соседи	35
IX. Мама	38
X. Отец	43
XI. “Еврейская мама”	49
XII. Пугало	52
XIII. Визит ребе	56
XIV. Репрессии	60
XV. Любимая тётя	64
XVI. Дедушка	68
XVII. Воры	74
XVIII. На озере	80
Часть II	85
I. 22 июня	85
II. Сон в руку	90

III. К дедушке	93
IV. Решение мамы	98
VI. Снова вместе	109
VII. Прибытие	113
VIII. Голод	118
IX. Столбов	121
X. Уголь	125
XI. “Сына не отдам!”	130
XII. Алик	135
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Мария Цейтлин

Возвращение в будущее

*Моей дорогой, горячо любимой бабушке
посвящается эта книга*

Пролог

*Много замыслов в сердце человека, но состоится
только определённое Господом.
Притчи Соломоновы*

Мой дед – отец моей матери – был человеком глубоко религиозным, свято соблюдавшим обычаи и традиции своего народа и не представлявшим своей жизни без веры в Бога. Мама моя – Бита Исааковна Слуцкина была его третьей дочерью от первого брака с Леей, оставившей ему четырёх дочерей и сына. От второй жены, которая была моложе его на двадцать лет, мой дед Исаак Слуцкий имел двух дочерей ненамного старше меня и сына – очаровательного мальчишку любимца семьи и вообще всей родни. Жили они в Сельцах (местечко на востоке Белоруссии). Дедушка часто приезжал к нам в Могилёв, к дочери Бите и зятю Залману Цейтлину, который являлся одновременно его шурином, поскольку его жена Зелда приходилась родной сестрой Залману, а мне тё-

тей.

Нас было трое у родителей: я, мой брат Гиля – старше меня на два года, и младший Илья. Поскольку с Гилей мы были почти ровесники, то, само собой разумеется, я была постоянным участником его игр, а случалось и сообщником в его проделках, которые он, несмотря на то, что был еврейским мальчиком, как любой мальчишка, иногда совершал.

Когда я вспоминаю своего деда, первое, что встаёт в памяти – уютная светлая комната в нашем доме, русская печка у стены и дед, облачённый в молитвенный талес, с чёрными коробочками привязанными ремешками к руке и голове, с книгой в руках, стоящий лицом к печке и совершающий молитву под тихое хихиканье, которое мы с Гилей тщетно пытались скрыть, выглядывая из-за полуоткрытой двери... В поведении деда самым смешным для нас было то, что он стоял лицом к печке, чего мы никак не могли понять тогда и смешили друг друга, придумывая этому нелепые объяснения. Лишь спустя почти шестьдесят лет, когда я рассказала об этом своей старшей внучке, она объяснила мне причину “странного” поведения деда. Откуда мне – десятилетней девочке – было знать, что дедушка молился, обратясь в сторону святого Иерусалима. Нам детям его действия казались забавным пережитком прошлого, отголоском глубокой древности, даже признаком невежества, а его самого мы считали жутко старомодным и ничего не понимающим в том новом мире, и в том обществе, которое успело уже внушить нам

совсем иные ценности... Мы смеялись, а дедушка, закончив молитву, тихо вздыхал и говорил нам: “Дети, вы можете смеяться, но всё, что написано в Торе, сбылось, и даже “птицы железные летают по небу”. Вас я не могу заставить верить, но сам умру в той вере, в которой я родился. Может быть, когда-нибудь и вы это поймёте”.

Увы, ему не дано было знать о том, что его праправнуки – дети одной из его внучек – будут жить на Земле Обетованной, соблюдать традиции, так свято чтимые им, и гордиться своей принадлежностью к народу Израиля.

Часть I

Детство (1928–1941)

I. Хашелея

Я родилась в Белоруссии, в Могилёве, в доме на Вербовой улице, вблизи речки Дубровенки – притока Днепра. При рождении мне было дано имя Хашелея, составленное из имён двух покойных бабушек: Хаси и Леи. Родилась я дома и, когда через три дня отец пошёл регистрировать свою новорожденную дочь, он вдруг ясно представил себе, каково будет его девочке с таким именем, когда среди русских имён её сверстников вдруг появится Хашелея. И поэтому он решил не смущать народ и нарёк дочь Елизаветой, видимо решив, что длинное имя “Елизавета” вполне сойдёт за прямой перевод не менее длинного “Хашелея”... Не знаю, было ли известно моему отцу, что имя это, столь привычное слуху русского человека, на самом деле еврейского происхождения и означает оно “клятва богу”.

Моё детство было окружено красотой. Красотой места, где я родилась, красотой людей, в среде которых я росла. Могилёв, раскинувшийся на берегах Днепра, среди озёр и ручьёв, окружённый лесами, не мог не вызывать восхище-

ния своей природой. Безусловно, для каждого человека то место, где он родился и вырос – самое красивое место во Вселенной. Живописная местность, в которой расположен город, достойные кисти художника крутые склоны холмов и речные долины, многочисленные овраги на склонах Дубровенки, богатая растительность: величественные тополя, шумящие густой листвой, раскидистые клёны, конский каштан с причудливыми, похожими на большие декоративные свечи соцветиями, липы, ели, берёзы, дубы, всевозможные кустарники и ко всей этой красоте примешивался в конце весны аромат сирени и жасмина! Могилёв утопал в садах!

Улица, на которой стоял наш дом, обязана своим названием вербам, растущим вдоль домов по всей длине улицы до озера. Вблизи дома небольшой мост через Дубровенку, а чуть дальше, поднявшись по мосту, и перейдя на другую улицу, можно было увидеть дом тётки Ханы – маминой старшей сестры.

Вербовая улица проходила параллельно речке, таким образом, фасад нашего дома, принадлежащего ещё до революции моему деду Гиле Цейтлину, выходил на улицу, а его противоположная сторона была обращена к речке Дубровенке. Этот красивый просторный дом из четырёх комнат, кухни, передней, огромного погреба мы разделяли с жильцами – еврейской семьёй, снимавшей у нас комнату, Сидаревскими Айзеком и Сарой и их тремя детьми. Жили все очень дружно, вместе пололи грядки в огороде, сажали огурцы, поми-

дору, петрушку, собранный урожай делили поровну, вместе готовили в большой русской печке. Набожная Сара строго соблюдала законы кашрута, но с пониманием отнеслась к маме, когда той пришлось готовить мясные котлеты на сливочном масле, поскольку только в таком виде Гиля соглашался их есть. И женщинам пришлось разделить печку.

Родители соблюдали традиции, конечно, не так строго, как наши жильцы, но многие вещи были святы в нашей семье. Помню, как нам с братом вручали купленную на рынке курицу и посылали в другой конец города к резнику, чтобы тот, зарезав её особым способом согласно еврейской традиции, помог ей умереть без мучений. Только так несчастная курица объявлялась кошерной. А когда хотели побаловать себя телятиной, то собиралось несколько еврейских семей – благо жили по соседству – приглашали резника и, подвесив телёнка в коридоре нашего дома, резали его согласно всем требованиям кашрута.

Так же сообща готовились к Песаху. Мапу пекли сами. И занимались этим мужчины. Поскольку изготовление мацы – процесс очень трудоёмкий, требующий определённых условий, её начинали выпекать за несколько дней до наступления Песаха, а затем хранили по всем правилам, в сухом, чистом от хлеба месте, чтобы она оставалась кошерной, то есть пригодной для праздника. Каждая семья заготавливала достаточное количество больших круглых листов мацы, часть из которых потом вручную, в специально отведённой для этого

ступке, долго и тщательно перемалывали в мацовую муку, из которой в Песах делали вкуснейшие кнейдлах, добавляли в котлеты и многое другое. Помню как мама вместе с нашей соседкой Сарой кошеровали посуду накануне праздничного вечера: докрасна раскалённые в печке камни бросали в большие котлы, наполненные водой, и в них кошеровали всё, что было необходимо и всё, что вообще подлежало кошерованию. А кроме того была особая красивая пасхальная посуда, которую доставали из шкафа раз в году в неделю Песах.

В праздничный вечер, придя из синагоги, все садились за красиво накрытый стол, мама доставала мацу, завёрнутую в белоснежные полотенца, отделанные тонкой вышивкой, и начиналась праздничная трапеза. Было много всего вкусно-го, но самым вкусным был пресный хлеб, то есть главный атрибут праздника – маца. Этот неповторимый вкус ей придавали и руки пекаря, с любовью священнодействовавшего над ней, и торжественность, сопровождающая трапезу, и то особое значение, которое отводится маце в Песах и ещё, разумеется, тот факт, что нам не позволяли до неё дотрагиваться и даже смотреть на неё до наступления вечера праздника. Поэтому сей момент все ждали с нетерпением, которое усиливалось дающим о себе знать лёгким голодом.

Другим святым днём в нашем доме был Йом Кипур, строгий пост, который неукоснительно соблюдался всеми до единого. Помню, как все соседи евреи спускались к речке и, стоя у воды, вытряхивали карманы. Этот ритуал совершался на-

кануне праздника.

II. Из истории

Кроме набережной Дубровенки, еврейские дома занимали часть Покровского посада в старом районе Могилёва, много евреев проживало на левом берегу Днепра, в предместье под названием Луполово, больше похожее на деревню. Такое название это место получило от того, что многие тамошние жители были кожевниками и лупили кожи в Днепре. Другим промыслом в предместье был извоз.

На нашей улице, разумеется, жили не только евреи. Русские и белорусские соседи в большинстве своём жили с нами очень дружно, вместе играли, вместе учились, вместе ели, праздники справляли (не религиозные, конечно, а советские), ночевали друг у друга. Многие белорусы и русские говорили на идиш. В еврейском квартале стояла Петропавловская церковь. Смешанные браки не были редкостью. Даже наша мама часто повторяла: “Женитесь на ком хотите, хоть на русских, хоть на татарах, вот только китайцы мне не очень нравятся: у них глаза слишком узкие...”

В те годы мы не знали, что такое антисемитизм, не стыдились своих имён, не скрывали свою национальность, хотя история гласит о том, что и в Могилёве, к сожалению, в разные времена случались погромы, еврейское население всячески притеснялось. Вот, к примеру, некоторые факты из истории города: в середине 17 века в ходе русско-польской войны, в

то время, когда русские войска подошли к Могилёву и потребовали сдать город, местные жители согласились на это в обмен на сохранение всех прав и свобод, дарованных им польскими королями, а также при условии “изгнания всех евреев из города”. И русский царь Алексей Михайлович постановил: “А жидам в Могилёве не быти и жития никакого не имети”. Согласно договору, еврейские дома должны были поделить между собой Могилёвский магистрат и новая власть. Белоруссия не была исключением в длинном списке стран, где процветал антисемитизм. Евреи тысячами гибли во время казацких восстаний и войны с Москвой.

Но несмотря ни на что, еврейская община возрождалась. Во второй половине девятнадцатого века в Могилёве с населением 40000 человек проживало около 17000 евреев. В то время основным их занятием были торговля, ремёсла и извоз. Большинство заводов и фабрик принадлежало евреям, а также множество лавок, питейных заведений, булочных. Большинство еврейских детей занималось в религиозных учебных заведениях для мальчиков – в хедерах и “Талмуд-Тора”. В конце девятнадцатого – начале двадцатого века еврейское население Могилёва составляло уже больше половины от общего числа жителей города... А в октябре 1904 года солдаты устроили в Могилёве очередной погром.

Но это было в прошлом. Моё же детство протекало в атмосфере истинной дружбы и полного отсутствия националь-

ной розни.

III. Школа

В 1920 – 1930-е годы в еврейской общине Могилёва наступил упадок. Многие синагоги закрылись, хедеры, которых в начале века было в городе больше ста, также были закрыты. Сократилось число еврейских школ и меня отдали в ближайшую к дому белорусскую школу № 17. В первый класс я пошла в 1936 году, когда мне исполнилось восемь лет.

Всё, чему учили детей в советской школе, должно было в первую очередь воспитать в них беззаветную преданность Родине и безграничную веру в партию, Ленина и Сталина – главных идолов державы. В нас воспитывали стремление к самопожертвованию во имя великой цели, которую ставила партия, стремление к светлому будущему и горячее желание строить это самое будущее. Ну, а любовь к отцу народов товарищу Сталину прививалась нам особенно тщательным образом! На всю жизнь запомнились мне стихи:

Зпад пущев Полесья
Зпад Немано соже
Зпад птiчий Днепра
И заходней Двины
Табе пае славу
Сусветная шир
Табе наша радасть,
Любов и Отвага

Ты наше житье
Дараги правадыр!

Всеми возможными способами в школах насаждался культ личности Сталина. Портреты вождей трудового народа висели в каждом классе на самом почётном месте.

Воспитанию патриотизма уделялось немало учебного времени. Коллективная работа, работа в бригаде всегда приветствовалась и всячески поощрялась.

Смело, товарищи, в ногу
Духом окрепнем в борьбе.
В царство свободы дорогу,
Грудью проложим себе...

...воодушевлённо читали будущие комсомольцы. “Репертуар” уроков родной речи не отличался особым разнообразием. Тема была одна: хвала революции, рабоче-крестьянской партии и, конечно, великим вождям советского народа. Рассказы о детстве Ленина учили на уроках чтения; о подвигах героев революции нам рассказывали при каждом удобном случае. К двадцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции в школе подготовили большой праздник, когда хором пели революционные и патриотические песни и показывали сценки-зарисовки из истории борьбы трудового народа с капитализмом. К празднику долго готовились, репетировали. Помню, как параллельно с букварём и арифме-

тикой мы разучивали патриотические стихи и революционные песни (собственно, только их и пели на всех репетициях и вставляли в программу любого утренника), что нам, как будущим пионерам и комсомольцам было просто жизненно необходимо.

В день годовщины революции, седьмого ноября нас принимали в октябрята. С какой гордостью мы носили октябрятский значок с портретом юного Ильича! А как потом мечтали о том дне, когда станем пионерами, с каким нетерпением ожидали его, всеми силами стараясь заслужить это звание! Я уже не говорю о том, с каким рвением учили клятву пионера, с каким трепетом и гордостью носили потом красный пионерский галстук, боясь на него дыхнуть лишний раз.

Главным и самым святым праздником была годовщина Октябрьской революции. Разве могло быть что-то важнее этого дня?! Разве могла быть в нашей советской стране вера иная, чем вера в коммунистическую партию и в непогрешимость её вождя товарища Сталина?!

Это то, чему нас учили в школе и мы этому верили. Ни для кого не секрет то, что советская система воспитания годами и десятилетиями искореняла в людях малейшую мысль о Боге, не допуская и тени сомнения в отсутствии его существования. И поэтому, когда мы видели молящегося в странном наряде дедушку Исаака, ничего кроме смеха у нас это не вызывало. Нам, детям, всё это было чуждо. И, хотя дома справлялись еврейские праздники, в наших глазах они бы-

ли лишены своего глубокого смысла, мы любили их только за национальный колорит... ну, и за ту вкуснятину, которую готовила мама.

IV. Куклы

После школы, приходя домой, я садилась зубрить уроки, не видя ничего вокруг, машинально съедая поданный мамой обед, не сильно интересуясь содержимым тарелки. Расправившись с уроками, я отправлялась на улицу, где мы с моей подругой Итой Шур, жившей на другом берегу Дубровенки, в доме прямо напротив нашего, допоздна играли в классики и бегали по оврагам. Иногда к нам присоединялся Гиля, когда ему надоедало отстреливаться в тяжёлых боях со своими дружками, напевая “По долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд...”

С Итой мы были очень близки. И не удивительно, ведь когда-то её семья жила в нашем доме, они снимали у нас комнату. Шуры были наши первые жильцы, до Сидаревских, и с их семьёй у нас были особые, почти родственные отношения. Мы с Итой родились в один год; наши с ней люльки стояли рядом в одной комнате. Ита была на два месяца младше меня, к тому же, по рассказам наших родителей, была очень спокойным ребёнком, а мне, в отличие от неё, не сиделось на месте, в данном случае – не лежалось, ибо однажды я так разбушевалась, что, раскачав свою люльку, вылетела из неё прямо в люльку к подруге.

Ита была младшим ребёнком в семье, у неё была сестра Галя четырьмя годами старше и брат Меир. Меир был очень

умный, мама называла его “математический гений”, и Гиля, который тоже был далеко не последним учеником в классе, бегал к старшему товарищу через речку решать задачи по математике.

У меня любви к математике не было. Училась я не плохо, потому что всё зубрила, а вызубрив, убегала прыгать с Итой. Иногда мы с ней изменяли классикам и отдавались не менее любимым куклам. В доме, который они снимали налевой Дубровенке, у Иты была своя маленькая комнатка, где мы с ней, уединившись, чувствовали себя как в раю! Тётя Цива – мама Иты – часто угощала нас яблоками или конфетами, и оставляла нас играть допоздна, пока Гиля не приходил звать меня домой.

Поскольку отец Иты – Давид Ааронович Шур – работал на мебельной фабрике, у неё было множество красивой кукольной мебели: диванчиков, шкафчиков, кроваток, крохотных стульев... ну, и, разумеется, кукол. Мои же куклы не только не имели подобного приданого, но ещё и обречены были расстаться со своей кукольной жизнью, едва успев появиться в нашем доме.

Дело в том, что Гиля был чрезвычайно любопытен и ему во что бы то ни стало нужно было разобрать вещь, чтобы “посмотреть, что там внутри”. Поэтому стоило моей кукле попасться на глаза брату, дни её жизни были сочтены. Прежде чем сломать игрушку, Гиля выкрашивал её лицо чёрной ваксой для того, чтобы сказать мне после: “А она всё равно уже

была испорчена”. Затем он вскрывал её туловище и вытряхивал внутренности (обычные опилки) и смеялся:

– Смотри, Лизка, а там одна трухля!

– Ты злодей! – кричала я.

Я кидалась на него с кулаками, он тоже не оставался в долгу, пока на крик не прибежала из кухни мама с полотенцем в руках, которое тут же обрушивалось на голову моего брата, мстя ему и за меня, и за мою несчастную куклу. Отхлестав Гилю мокрым полотенцем, мама принималась меня успокаивать:

– Ну, не плачь, ему же интересно было посмотреть, как она сделана. Купим тебе другую куклу.

А чуть позже, когда обида проходила, мы с братом хватали бранные останки куклы и вместе завершали сей вандализм, превращая их в груды щепок и лоскутков, которые потом использовались как снаряды в уличных боях. Но однажды всему этому был положен конец. В день моего рождения мама подарила мне очень красивую нарядную куклу, какой у меня ещё не было. Но и ей не суждено было избежать горькой участи своих предшественниц – кукле удалось прожить не больше двух дней. И на сей раз мамино терпение лопнуло:

– Всё, кукол в доме больше не будет, – таков был приговор мамы.

У Гили была страсть, конечно, не только к куклам: любая вещь, которая звенела, тикала, стучала, возбуждала его любопытство исследователя и побуждала к действию. Однажды

его привлекли мамины ручные часы. Чтобы до них добраться, нужно было влезть на шкаф, куда мама их убирала от греха подальше. Но разве подобная мелочь могла остановить десятилетнего мальчишку?! Часы были захвачены, разобраны и собраны заново. Водрузив на стул табуретку, он вскарабкался на неё и дотянулся до верхней полки шкафа. Войдя в комнату и увидев эти упражнения, мама так и замерла, боясь издать звук: “Только бы не убился!”

Эти слова мама произносила постоянно, потому что не проходило дня без того, чтобы Гиля не ударился, не разбил себе что-нибудь, его вечно приносили со двора с синяками, шишками, ссадинами, хорошо, если без крови и переломов! Мама кидалась обвязывать его мокрыми полотенцами, приговаривая: “О, Боже! за что ты меня караешь?!” У моего брата всегда были безумные идеи и все свои изобретения он, как отважный, самоотверженный испытатель, проверял на себе. Так, однажды он прыгнул с крыши сарая с зонтиком – хотел проверить, можно ли его использовать в качестве парашюта. Наша соседка Сара не раз говорила маме: “Всыпать бы ему ремня за такое!” Но мама возражала: “Что ты! Как можно ребёнка ремнём!..” Самое большее, что мама себе позволяла – это отхлестать детей полотенцем.

Меня мама никогда не наказывала, но Гиле порой доставалось. Обычно его шалости оставались безнаказанными, но однажды даже ангельскому терпению нашей мамы был положен конец.

V. Синагога

Недалеко от нашего дома на углу Садовой и Вербовой улиц стояло очень красивое здание синагоги, где по субботам все собирались, куда и мы ходили с родителями, как только вступили в тот сознательный возраст, когда понимаешь, что нельзя смеяться, в то время как все молятся, и разговаривать, когда ребе читает Тору.

Одним из любимых занятий мальчишек было кидать камни в окна. Так проверялась храбрость и доблесть “воина”. Ну, а герой, сотворивший подобный “подвиг” – разбивший окно, расписавший забор цветистым русским матом, сделавший ещё какую-нибудь пакость удостоивался особого уважения, восхищения и зависти друзей, стремящихся к тем же достижениям, мечтающих перещегоолять друг друга, доказывая свою храбрость и прыть, когда нужно уносить ноги.

Однажды майским вечером я, сидя в столовой, корпела над трудной задачей по математике. Этот школьный предмет давался мне тяжелее остальных, в отличие от Гили, для которого трудностей не существовало. В тот день, быстро закончив с уроками, он ушёл на войну с соседскими мальчишками. Маленький Алик (так мы дома звали Илью) медленно доедал свою кашу, молча наблюдая мой труд. Мама хлопотала у печки. Тут мы услышали стук в дверь.

– Лиза, открой дверь, у меня руки в муке! – позвала мама.

Я иду в переднюю, отворяю дверь. Входит Гиля, тихо съёжившись, опустив голову, а следом наш ребе – пожилой господин среднего роста, в неизменном чёрном сюртуке и чёрной ермолке.

– Родители дома? – спросил ребе.

– Мама дома, – ответила я.

– Мне нужно поговорить с вашей мамой, – сказал ребе, и прошёл на кухню. Гиля печально поплёлся за ним. Когда мы вошли, мама обернулась и на её лице я прочла испуг. Она поняла, что случилось нечто из ряда вон выходящее, раз уж сам ребе привёл Гилю; обычно, когда моему брату приходила блажь напроказничать, роль сопровождающих преступника выполняли соседи. Появление ребе не предвещало ничего хорошего.

– Шалом, ребе.

– Шалом, Ента, – ребе печально вздохнул и сказал, указывая на Гилю, – это твой сын?

– Да, ребе, – растерянно ответила мама, вглядываясь в своего обожаемого сына и пытаюсь угадать, что же он натворил на этот раз. Одно успокаивало – то, что хотя бы сам цел.

– Жаль, – покачал головой ребе, – очень жаль, что в такой порядочной семье, как ваша, растёт такой шельмец. Я знаю вашу семью так много лет, и знал ещё отца твоего мужа, да будет благословенна его память. Барух аШем¹, что он не дожил до этого дня.

¹ Барух аШем – слава богу. Дословно: благословенно Имя (иврит).

– Что он натворил, ребе? – в тревоге спросила мама.

Ребе вздохнул, покачал головой, и, глядя на моего брата, печально произнёс:

– Запустил камнем в окно синагоги.

Мама в ужасе взглянула на Гилю. Он боялся поднять голову. Мне стало жаль брата. Было видно, что ему хочется сейчас провалиться сквозь землю, но только не смотреть в глаза маме, не видеть, как она краснеет из-за него, не быть причиной её огорчений.

– До сих пор, – продолжал ребе – сие достойное занятие Сатана поручал тем гоям, которые ненавидят детей Авраама. Теперь же он избрал для этого наших собственных детей. И что мы с вами будем делать?

– Он будет наказан, ребе, – ответила мама.

Проводив ребе и попрощавшись с ним, мама, не говоря ни слова, прошла через переднюю, открыла дверь в комнату наших соседей – Айзека и Сары (дверь они не запирали, поскольку полностью доверяли нам), схватила висевший на стене возле входа солдатский ремень. “Ой, Гиля!” – едва успела я ахнуть, как мама подлетела к нему и изо всех сил отхлестала ремнём по голым ногам и заду, пока у неё рука не устала. А потом, отбросив ремень в сторону, без сил упала на стул и, закрыв лицо руками, разрыдалась. И тут началось! Мама плачет, Алик с перепугу захныкал, Гиля, отвернувшись, украдкой всхлипывает, и я стою, не знаю, как сдержаться: и маму жалко и брата. Гиля был её любимцем,

и хотя никто из нас не был обделён маминой любовью, но он – её первенец – был её самой большой радостью и гордостью, её дружком, который всегда и всем на свете делился с мамой, посвящая её в свои тайны, любил её безумно. Как же больно должно было быть нашей маме сначала узнать о таком скверном поступке любимого сына, а потом наказать его способом, который прежде никогда не применялся в нашей семье.

Несколько дней после этого Гиля не мог сидеть, но так велика была его любовь к маме, так безгранично уважение и восхищение ею, что уже через час после наказания он обнимал и целовал её, повторяя: “Мам, я такую гадость сделал, правильно, что ты меня побила”.

VI. Лягушка

Вообще, мой брат, конечно, не был хулиганом, а то, что с ним случилась такая оказия, ну, как говорится, “и на старуху бывает проруха”. Он был послушным, умным, добрым, очень любил маленького Илью, и меня любил, хоть мы и дрались не редко, я обижалась, но он всегда первый шёл на примирение. И хотя у нас с ним были большей частью разные интересы, иногда мы с ним неплохо ладили.

Природа Могилёва богата не только лесами и водоёмами. Густая листва деревьев привлекательна для птиц и белок, яркие цветы притягивают не менее ярких бабочек, густая сочная трава манит кузнечиков и жуков всех мастей, речная вода – рай для лягушек и жаб, на камнях, стволах деревьев греются в солнечный день юркие ящерицы. Овраги, поросшие кустарником, скрывают множество мелкой живности, нашедшей там идеальное убежище: мышей, кротов, ежей...

Я помню, каких необыкновенно красивых бабочек мы находили порхающими над клевером, одуванчиками, пастушьей сумкой! Как редко они позволяли себя разглядеть, как бы тихо мы не подкрадывались к ним! Менее расторопных жуков было, конечно, гораздо легче застать в траве; их и кузнечиков мы ловили сачком, а потом отпускали. Всею этой красотой мы не уставали любоваться, и хотя были ещё совсем детьми, но уже без памяти любили свой родной город,

свою крохотную родину – Вербовую улицу, полянку возле дома, речку, и, глядя на всё это, не раз давали себе слово, что *никогда* отсюда не уедем!

Иногда мы, дети, предпринимали “поход на лягушек”. Собирались четверо – пятеро охотников из Гилиных дружков, спускались к речке и там караулили лягушек в траве у воды. Поймав, не убивали, конечно, а только разглядывали добычу со всех сторон, а потом отпускали; несчастная, не веря в своё спасение, пускалась наутёк.

– А знаете, что французы едят лягушек, – сказал как-то Ицик Зейтман.

– Ну, ежели жрать больше нечего, так и лягушки сойдут, – ответил Петька Зотов.

– Фу! Гадость!

Одну из таких лягушек мы с Гилей однажды нашли у нас в огороде. Как она там оказалась, только ей одной известно. Но мы её появлению несказанно обрадовались.

– А давай оставим её у нас! – предложил Гиля – будем её дрессировать, может, чему-нибудь научим.

– Чему научим? – удивилась я.

– Ну, мало ли! Есть же у неё мозги какие ни какие... Будет у нас ручная лягушка.

– А где же она будет жить? – поинтересовалась я. Гиля задумался.

– Знаю! – воскликнул он. – Помнишь тот железный тазик, что мама недавно выбросила в сарай? Наполним его водой и

будет она там плавать!

– А ещё можно ей туда цветочки положить, – предложила я.

– Ага! Пойдёт там искать себе Дюймовочку! – сострил Гиля.

Мы так и сделали. До вечера провозились с лягушкой, а на ночь решили, чтобы она не сбежала, накрыть её этим самым тазом. И, опрокинув на голову бедной лягушки её так называемый дом, мы отправились спать.

Утром, разумеется, надо спешить в школу, какая там лягушка! О ней никто и не вспомнил. И просидела она, накрытая медным тазом, весь день до вечера, пока мы о ней не вспомнили и, предчувствуя беду, не кинулись сломя голову в огород спасать лягушку. Мы нашли таз на том же самом месте, куда его положили. Значит, лягушка была там!

– Осторожно поднимай, чтобы она не выскочила, – предупредила я брата. Гиля приподнял таз... никто оттуда не выпрыгнул. Тогда он откинул его и... что мы увидели? Вместо лягушки на земле лежал маленький высохший скелетик. Бедняжка заживо сварилась, оставшись без воды в плену лоханки, которой мы её так необдуманно накрыли.

– Что же мы наделали! – воскликнул Гиля, – лягушки же не могут жить без воды, как я мог забыть это! Ну, чего ты сейчас ревёшь? Мы сами виноваты: забыли о ней на целый день.

– А я уже хотела рассказать Ите, что у нас есть ручная

лягушка, – всхлипывала я.

– Хорошо, что не рассказала никому. Ладно, – сказал Гилей, – давай хоть похороним её по-человечески.

– Давай, – согласилась я, – давай отнесём её на наше кладбище и там похороним.

Так и решили. Надо сказать, что “наше кладбище” находилось за домом возле забора. Там под кустом мы рыли лунки и время от времени хоронили найденных дохлых воробьёв, ласточек. А потом день – два таскали клевер на крохотные могилки, пока не забывали о них. И сюда же мы принесли нашу многострадальную лягушку, вернее то, что от неё осталось. Об этом печальном происшествии никто не узнал. Мы с Гилей решили никому не говорить, ни родителям, ни друзьям. Правда, Мишка Сидаревский, знавший об этом “кладбище”, видел, что мы там возились, и спросил, кого мы хоронили. Мы ответили, что опять нашли дохлого воробья.

VII. Белая травка

Весёлых историй с моим старшим братом было предостаточно. И большинство этих историй имели одинаковый конец – они заканчивались трёпкой.

Гиля с детства не любил молоко. Он его просто ненавидел. Страшнейшим наказанием было для него выпивать стакан молока. Но маме такое наказание, видимо, очень нравилось, потому что она ежедневно его устраивала для нас с Гилей. Она сажала нас за стол, ставила перед каждым кружку молока и ломтик хлеба или булочку. Булка, конечно, съедалась Гилей без возражений. А вот молоко – эта пытка длилась долго. Но мой находчивый брат очень быстро придумал выход из положения.

Стол, за которым мы сидели, стоял у окна. Как только мама, поставив перед нами кружки с проклятым молоком, отворачивалась, Гиля, который старался сесть как можно ближе к окну, недолго думая, хватал кружку и выплёскивал её содержимое на улицу. Возвращаясь, мама видела, что кружка пуста, хлеб съеден, хвалила Гилю и отпускала гулять. Этот фокус ему долго сходил с рук.

Как-то раз он чуть не попался. Мама только налила молоко, отвернулась к печке, а Гиля – хлоп и покончил с проблемой. Мама оглянуться не успела. Поворачивается, а молоко уже “выпито”.

– Так быстро?! – изумилась она. – Ты был такой голодный?

– Да, – опрометчиво ответил Гиля.

– Давай, ещё налью, – сказала мама.

Гиля в ужасе покосился в сторону бидона с молоком, потом посмотрел на меня, взглядом моля о помощи. Я быстро сообразила, что можно сделать.

– Мама, а оладушки будут? – спросила я.

– Какие оладушки?

– Ну, ты же обещала оладушки!

Мама заглянула в бидон; молока там, видимо, было немного.

– Тут не хватит и на оладушки, и пить...

– Я не хочу, мама, лучше оладушки сделай! – обрадовался

Гиля.

Но однажды мой брат всё-таки попался. Выливая молоко, он не очень заботился о том, на что это молоко попадает. А под окошком у нас росла травка. И вот как-то мама, выйдя в огород, случайно увидела, что у травы под окном кухни странный оттенок. “Откуда у нас белая травка растёт?” – с удивлением подумала мама.

Подойдя поближе, она стала внимательно, подобно сыщику, изучать странное явление и вскоре были обнаружены улики в виде свежих капель молока. Тогда маме стало ясно происхождение странного оттенка травы. Злоумышленник был выявлен. Войдя в кухню, мама схватила полотенце и погналась за Гилей, приговаривая:

– Ах ты, паршивец! Молоко ты будешь выливать!

Но трёпка с полотенцем – это ерунда. Вот когда мама заставила Гилю на её глазах выпивать молоко, тогда мой бедный брат понял, что такое наказание!

VIII. Соседи

Итак, Айзек и Сара Сидаревские были нашими самыми ближайшими соседями. И они не только делили с нами кров, они были по-настоящему очень близкими, родными людьми. Наши семьи во всём друг другу доверяли, всем делились. Тяжелый домашний труд не казался нашим мамам таким тяжким, когда они делали что-то вместе, развлекая друг друга: и время проходило быстрее, и работа казалась легче. А работы этой хватало: в огороде грядки прополоть, натаскать воду из колодца, который находился на Вербовой, дальше синагоги, через несколько домов от нас, бельё носить полоскать на речку... На рынок тоже ходили вместе, правда, чаще эта обязанность возлагалась на нас, детей.

Кроме Сидаревских, жила в соседнем доме еврейская семья Зейтман – Яков и Хава. У них было шестеро сыновей: Хаим, Наум, Ицик, Фима, Боря и Додик. И ни одной дочери. Хава упорно мечтала о девочке, каждый раз ожидала, что родится дочь и предупреждала своего мужа, чтобы он даже не смел надеяться на то, что будет ещё один сын, потому что ей уже достаточно! “Хавале, ну что ты такое говоришь!” – восклицал дядя Яков. “Это я ещё молчу!” – отвечала Хава и продолжала мечтать о том, какая у неё будет красавица дочка. Но, когда в очередной раз на свет появлялся мальчик, она объявляла, что всегда знала, что была уверена, что непре-

менно будет сын, потому что у неё такие хорошие, такие красивые и умные мальчики, и самые лучшие сыновья – таких ни у кого больше нет! “Хавале, ну что ты такое говоришь!” – твердил её муж, улыбаясь, а она ему в ответ: “Только попробуй сказать, что это не так!” Забегая вперёд, скажу, что, в конце концов, её мечта сбылась и на исходе 1940-го года, когда их старшему Хаиму исполнилось восемнадцать, в семье Зейтман после ещё одного мальчика, имени которого я не помню, родилась долгожданная дочка Ривка.

На Вербовой, в доме напротив нашего, жила русская семья Игнатовых. Мужа звали Николай, а жену его... Степаниха. Отчего за ней закрепилось это прозвище, никто уже не помнил, но так её называли. Это была очень колоритная дама – крупная, кровь с молоком, сильная, не знавшая ни хвори, ни усталости, несущая на своих плечах дом, сад, огород, курятник, троих детей и мужа. И кроме всего этого Степаниха успевала собрать не только свежий салат со своих грядок и яйца от несушек, но и все свежие новости с ближних улиц... и не только с ближних. Она умудрялась всё про всех знать, всегда быть в курсе последних событий. Если появлялись какие-то слухи, туманные сведения, у нас говорили: “Надо Степаниху спросить, она будет знать”. К Степанихе шли за новостями, как в газетный киоск за свежими газетами.

Ещё одна богатая еврейская семья жила неподалёку от нас, на противоположной стороне Вербовой, ближе к цен-

тру. У них был сын, который учился в институте и две дочки – очень красивые юные девушки пятнадцати и шестнадцати лет – Циля и Рая.

Были ещё еврейские и белорусские семьи, жившие на нашей улице. Разумеется, все друг друга знали, дружили, хотя иногда и ссоры случались. Маму нашу очень любили и уважали, потому что она никогда не ругалась с соседями, просто не умела этого делать. С тётёй Сарой они вообще жили душа в душу. Часто, сидя на кухне за каким-нибудь рукоделием, они тихо напевали песенку на идиш:

Их гей аруйс афун ганекл
Ди штетеле бакинен
Эс ким цуфлиен аклейне
Флигеле унд бринг цутрогун
А клейне бривеле
Их лейен ибер диэрсте сиреле
Дер гелибтер ист фердобрен
Их лейн ибер дицвайте сиреле
Дер гелибтер ист гешторбен

IX. Мама

Так проходило наше детство. Наша семья, наверно, заслужила бы звание образцовой, отношения её членов друг к другу могли бы служить примером для подражания, хотя когда эта семья только создавалась, я думаю, что ни мать, ни отец даже не подозревали об этом.

Мама вышла за папу не по любви. Однажды она рассказала мне, что в юности любила одного молодого человека. Он был парикмахером. Но что-то у них не сложилось. Не знаю, как случилось, что мама, любя другого человека, вышла за папу. Об этом она молчала. Так случилось, так угодно было Богу, который всегда знает, что делает, и решения Его всегда правильны, даже тогда, когда нам ввиду нашего неведения, невежества, слепоты, неспособности заглянуть в будущее, неумения ценить то, что мы имеем, Его решения кажутся неверными, несправедливыми. Но с течением времени рано или поздно мы понимаем, что Его решение, Его распоряжение нашей судьбой было единственно правильным из всех. Недаром говорят, что всё, что ни делается, всё к лучшему. И всё в нашей жизни предопределено.

Мама родилась на юге Украины в городе Николаеве, близ Одессы. Она была четвертым ребёнком в семье Исаака и Леи. Был ещё старший брат и самая младшая сестра – Гитл. Все они были ещё детьми, когда от голода и от необходимо-

сти есть хлеб, замешанный на том, что даже отдалённо не напоминало пшеничную муку, умерла мать – моя бабушка Лея. И все пятеро её детей, стоя возле испутившей дух матери, так жутко рыдали и кричали от боли и ужаса, что даже смерти стало страшно, и она отступила... и отлетевшая душа на мгновение вернулась в тело, которое покинула: мать открыла глаза... Неразгаданные тайны, непостижимые загадки Природы человечеству пока не дано познать.

Кроме голода, болезней, смерти матери, были ещё два пожара, когда их дом сгорал дотла со всем, что в нём было, включая документы. И таким образом, в свидетельстве о рождении маме записали приблизительный год рождения – 1905, без указания места и числа – прибавив к её настоящему возрасту год или два, для того, чтобы по закону девочка могла раньше поступить на работу. В школу девочки не ходили, только старшего сына отправили учиться. Маленькой Енте было лет пять-шесть, когда её отдали в работницы к одной модистке, которая делала дамские шляпки, и та, почувствовав в девочке тягу к знаниям, жалея её и любя, обучила русской грамоте, научила её писать и читать. Впоследствии мама прочитала всю русскую литературу, все книги, которые были в нашем доме, а самым её любимым писателем, которого она читала и перечитывала по много раз, был Шолом-Алейхем.

Мама была совсем ещё девочкой, когда семья перебралась в Сельцы, местечко в десяти километрах от Могилёва. Там

они обосновались, завели хозяйство. Это было ещё до революции. Мой дедушка Исаак, оставшись вдовцом, делал всё, что мог для своей семьи. Брался за любую работу, в колхозе его уважали. Прошли годы, сына он отправил в Варшаву – учиться. Старшие дочери – Хана и Гися – вышли замуж и уехали в Могилёв. Дедушка в то время женился на Зелде Цейтлиной. А вскоре после этого Ента вышла замуж за брата Зелды – Залмана Цейтлина, и в сентябре 1926 года на свет появился Гиля. И хотя мама вышла замуж не по любви, но как пушкинская Татьяна, была верна папе и отношения у них были замечательные.

Я помню маму вечно что-то убирающую, моющую, чистящую, наводящую порядок, помню, как в доме у нас всё блестело, сверкало, каждая миска, чашка, тарелка имела своё место, не говоря уже о книгах или, скажем, об одежде. А какой армейский порядок царил у нас в шкафах! Каждая вещь аккуратнейшим образом сложена и уложена по струнке. Полотенца, скатерти, украшенные вышивкой, сложены в ровные стопочки, постельное бельё – это вообще отдельная глава – накрахмалено и отутюжено, хоть сейчас на выставку клади! У мамы была особая страсть к постельному белью и покрывалам, а уж как она кровати застилала – этого не описать! Хоть картину с них пиши, такая красота! С особой тщательностью, каким-то только ей одной известным способом, она застилала кровати дорогими шёлковыми покрывалами, ровненько, по струночке укладывала подушки, отделанные бо-

гатой вышивкой и тонким кружевом. Мы дышать боялись, проходя мимо кроватей, не говоря уже о том, чтобы на них сесть или прилечь – это показалось бы нам святотатством.

Сколько себя помню, мама никогда не заставляла меня делать что-либо по дому. Ей было важно, чтобы её дети, прежде всего, учились; я занималась уроками, не видя ничего вокруг, и мама была счастлива. Но, закончив уроки, я не шла гулять до тех пор, пока мама не заканчивала домашние дела: мне совесть не позволяла беззаботно прыгать в то время, когда мама мыла полы или посуду. Я тихо сидела в сторонке и наблюдала за ней, запоминая, как она всё это делает. И лишь увидев, что мама, покончив с делами, садится отдыхать, я со спокойной совестью бежала на улицу прыгать в классики.

Нас с братом не нужно было заставлять учиться; нам обоим учёба давалась легко, особенно Гиле. Но и я тоже старалась не отставать от брата, была отличницей. Я училась в третьем классе, когда родители получили благодарственное письмо от дирекции школы. Это письмо сейчас передо мной. На пожелтевшем от времени и кое-где покрывшемся бурыми пятнами тетрадном листке, стоит школьная печать и старой печатной машинкой, какую теперь можно встретить только в музее или антикварной лавке, напечатаны следующие слова:

Товарищу Цейтлину А. Г.

Дирекция школы № 17 сообщает Вам, что Ваша дочь

Цейтлина Лиза ученица 3”а” класса является отличницей по учёбе и примерной по поведению. Дирекция школы выражает Вам свою благодарность и надеется, что Вы и в дальнейшем так же внимательно будете следить за учёбой и воспитанием своей дочери, чтобы она стала героем нашей ВЕЛИКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОДИНЫ и АКТИВНЫМ, СОЗНАТЕЛЬНЫМ СТРОИТЕЛЕМ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

классный руководитель

Бычковская

17 мая 1939 г.

Получив это письмо, мама не могла скрыть своего счастья, и каждое подобное письмо или похвальная грамота моя или Гили становились предметом её гордости, потому что больше всего на свете она мечтала о том, чтобы её дети получили образование – то, чего ей самой не суждено было иметь.

Х. Отец

Папу звали Абрамом; так его звали соседи и знакомые. Мама называла его Абрашей. И, разумеется, когда меня в школе спросили, как моё отчество, я ответила:

– Абрамовна.

Однажды, помогая маме укладывать одежду в шкаф, я случайно уронила папин пиджак. Подняв его и отряхнув, я заметила, что из кармана выпали какие-то бумаги.

– Мама, тут письмо какое-то и паспорт, – сказала я, поднимая документы. Разумеется, я не могла удержаться от того, чтобы не заглянуть в эту книжечку, впервые попавшую мне в руки. Открыв паспорт, я увидела фотографию моего красивого папочки и рядом имя: “Цейтлин Залман Гильевич”. Как же так?

Ведь нашего папу все зовут Абрамом! – Мама, а почему здесь имя “Залман”? Папа ведь Абрам?

Мама ничего не ответила. Она подошла ко мне, взяла из моих рук документы и вернула их обратно в карман пиджака. Но я не собиралась сдаваться. Как же так? Выходит, у папы другое имя? Как такое может быть? Мама, видя, что ей от меня так просто не отделаться, сказала:

– Папино настоящее имя Абрам. А Залманом звали его старшего брата.

– У папы был брат? – удивилась я. Мы знали только папи-

ных сестёр Зелду, Эстер, Цилю и Любу. Тётя Зелда вместе с дедушкой Исааком часто к нам приезжали с детьми. Циля и Люба жили в Могилёве и тоже нас навещали не редко. Больше мы ничего не знали о папиной семье, нам никогда об этом не рассказывали, а мы не спрашивали. И вдруг узнав, что у папы был брат, я решила всё выведать.

– А что ним случилось? – спросила я.

Но мама не отвечала. Она смотрела застывшим взглядом куда-то в пустоту, потом тихо вздохнула и, посмотрев на меня, сказала:

– Папа очень любил его... Это всё случилось в один год, сначала смерть Залмана, а потом...

И мама рассказала мне, что у папы кроме четырёх сестёр было четыре брата. В Первую Мировую из этого самого дома они проводили Залмана на фронт, откуда ему не суждено было вернуться... Абрам закончил хедер и еврейское ремесленное училище. В то время в стране был страшный голод, разруха, эпидемии тифа на фоне гражданской войны, когда то белые, то красные отряды повстанцев проходили по городам и деревням, вербуя население. “Приходили белые – записывали в белые, приходили красные – записывали в красные” – рассказывал отец. Чтобы как-то помочь бедствующей семье и самому спастись от голода, Абрам, взяв документы погибшего старшего брата, записался в армию; повезло попасть к красным, в Первую Конную – ту самую, под командованием Будёного. В Гомельской дивизии он прослу-

жил оружейником до 1921 года. Вернувшись с фронта домой, отец попал с одной войны на другую; ему пришлось бороться с эпидемией тифа, которая за две недели унесла жизни почти всех близких – один за другим умерли родители, братья... Папа тогда хотел застрелиться. Что спасло его? Что остановило его руку? Что тогда вернуло его к жизни, заставило продолжить борьбу и идти дальше, не обращая внимания на жуткую боль утраты? Какая внутренняя сила помогла ему не только сохранить рассудок, но и вернуть жажду жизни? Никогда нельзя забывать, что Бог создаёт для нас лекарство прежде, чем посылает нам болезнь. И вскоре, такое лекарство в образе красивой, благонравной девушки Биты... или Лены, как её все называли, вернуло отца к жизни.

Я уверена, что именно благодаря маме к папе вернулась надежда, любовь, желание жить. Тяжкое это испытание – в одночасье потерять всех самых близких людей, и оттого семья, его собственная семья, была для него всем, и он делал всё, чтобы сохранить и защитить её. Когда вдруг случалось кому-то из нас заболеть, папа места себе не находил. Если ребёнку плохо, он мог не спать, не есть, сидеть у кровати, мог среди ночи кинуться за доктором, поднять соседей, если надо отвезти ребёнка в больницу, казалось, что он может сделать всё, что угодно, перевернуть небо и землю – только бы ни с кем из нас ничего не случилось.

Помню такой случай в середине 30-ых. Наш Алик совсем крошкой был. Он и младшие дети Сидаревских – близнецы,

мальчик и девочка – тяжело заболели. Не помню, чем именно, но всем троим было очень плохо. Родители не знали, что делать, где искать помощи. Папа в полночь отправился за врачом. Был в Могилёве некий доктор Лурье – врач от бога. Он мог поставить диагноз по одному только взгляду на больного.

И никогда не ошибался. Бывало, несут к нему больного, а он ещё с порога видит, чем болен несчастный и сколько ему осталось. К рассвету отец привёл этого доктора. Тот осмотрел малышей и сказал:

– Мальчики будут жить. Вот рецепт, возьмите...

– Мальчики? – переспросил Айзек, бледнея, – а девочка?

Моя дочка, доктор?

Что должен чувствовать врач, понимая, что его пациент обречен, и он уже ничего не может сделать, чтобы вернуть его к жизни? Ощущать своё бессилие в борьбе с природой, с жестокой болезнью – какого это? А сообщить семье, в тревожной надежде ожидающей вердикта врача, семье, которая верит этому самому врачу, как Господу Богу, которому одному подвластны жизнь и смерть? Но эта семья ждёт чуда от него, от простого смертного. Каково это, сказать семье, что их близкий умирает и его уже не спасти? А если этот близкий – маленький ребёнок? Как сказать отцу, что его дитя не будет жить? Что должен испытывать врач, глядя в полные отчаяния и мольбы глаза отца? Как выдержать взгляд человека, ожидающего услышать смертный приговор своему ребёнку?

Доктор Лурье опустил глаза.

– Я не Господь Бог, – тихо сказал он – простите меня.

– Что вы говорите, доктор?! – воскликнула Сара – Вы же можете спасти мою девочку! Вы же можете! Скажите, мы любое лекарство достанем!

– Доктор, постойте! Моему ребёнку плохо! Помогите, доктор! – кричал Айзек. Но доктор готов был бежать на край света от этих умоляющих глаз и от своего бессилия...

Доктор Лурье не ошибся. И наш Алик, и маленький Рома Сидаревский вскоре поправились. Но сестра-близнец Ромы, промучившись три дня, умерла. Что творилось с её родителями, я вовек не забуду. Айзек, совсем обезумев от горя, бился головой о стену. Мы боялись, что он наложит на себя руки. Никогда, ни прежде, ни после, я не видела, чтобы отец так оплакивал своего ребёнка.

Папа работал лудильщиком автоклавов на химзаводе на окраине города по ту сторону Днепра. Это была очень тяжёлая и очень ответственная работа. Он был первоклассным мастером, и, что не менее важно – был предан своей работе, не умел нарушать дисциплину, был способен работать в любых условиях. И за это его ценили и уважали. Помимо основной работы у папы часто бывали заказы от соседей, знакомых: где крышу починить, где ещё что-то, он подрабатывал и кровельщиком, и жестянщиком... У папы были золотые руки, он брался за любую работу, а деньги отдавал маме и только просил у неё три рубля на водку. Бывало, вечером

папа придёт выпивший, не говоря ничего, сядет за стол, положит голову на окрещённые руки и заснёт. У мамы к его приходу всегда была готова лохань с водой для умывания и чистое бельё. Поспав за столом, папа вставал, умывался и садился ужинать... Никогда родители не ссорились, не ругались, любой спор, едва возникнув, заканчивался какой-нибудь шуткой.

XI. “Еврейская мама”

Есть известное выражение “еврейская мама” – этакая наседка, которая носится со своими птенцами, дрожа над ними и боясь на миг отпустить от себя. Так вот, в нашей семье роль “еврейской мамы” исполнял папа. И исполнял он её с завидным усердием. По части “волноваться за детей” он превосходил даже нашу маму.

Часто вечерами, когда отцу случалось пораньше прийти с работы, они с мамой наряжались и шли в кино. Папа надевал костюм, мама – красивое платье, сшитое у портнихи, и изящные туфельки, тоже сделанные на заказ, поскольку ножка у неё была 35-го размера. У мамы был безупречный вкус; если ей что-то не нравилось в только что принесённом от портнихи платье, она могла тут же его снять и убрать с глаз долой, подальше в шкаф, чтобы больше уже его не видеть.

Стоя перед зеркалом, она подкручивала и красиво укладывала локоны – у неё были длинные, густые волосы и внешность Снегурочки: белая кожа, большие тёмные глаза и чёрные волосы. Она была невысокая, чуть полноватая, но безупречно сложенная. Папа восхищённо смотрел на неё и каждый раз говорил:

– Леночка, как тебе идёт!

– Что мне идёт? – спрашивала мама.

– Всё!! – очарованно отвечал папа.

Они выходили из дому под руку и отправлялись в кино-театр. Выходили-то они вместе, но через минуту – другую папа ускорял шаг так, что мама за ним просто не поспевала, и в результате, к кинотеатру они приходили порознь, папа поджидал маму возле входа. В конце концов, маме надоело играть в эти “догонялки” и она решила папу проучить. Когда в очередной раз они отправились в кино и, немного отойдя от дома, папа, как всегда, пустился в свой одинокий марафон, мама, недолго думая, повернула обратно, предоставив папе возможность без помех бежать до финиша. Папа бежал, не оглядываясь, уверенный, что, если жена его не окликает, значит, она благополучно бежит следом. Когда, добежав до кинотеатра, он оглянулся, мамы, разумеется, рядом не оказалось. Какое уж тут кино! Домой папа бежал ещё быстрее. В тревоге войдя, точнее, влетев в дом и увидев маму, спокойно сидящую на диване, он удивлённо спросил:

– Леночка, а почему ты вернулась?

– А почему ты всё время вперёд бежишь и я должна тебя догонять? – улыбаясь, ответила мама.

– Понимаешь, – стал оправдываться папа, – я волнуюсь, дети дома остаются одни, хочу поскорее вернуться...

– Так, по-твоему, если ты быстрее добежишь, кино раньше начнётся и раньше закончится?

Об этом папа, видимо, не задумывался.

Была у нашего папы одна, так сказать, страсть, особое удовольствие: каждый вечер, возвращаясь с работы домой, он

по дороге покупал пирожные и, идя по улице, где мы бегали, раздавал их всем детям, что попадались ему на глаза. Одно из первых воспоминаний о детстве и родительском доме, которое всплывает в моей памяти – это идущий по нашей Вербовой улице папа с коробкой пирожных в руках. Вкус тех пирожных – вкус детства. И после никогда в жизни мне не доводилось есть ничего более вкусного. Те пирожные из детства, которые с широкой улыбкой на лице раздавал мой папа, казались самыми лучшими в мире!

ХII. Пугало

Отцовской любви и заботы нам хватало с лихвой всем троим. Здоровье и благополучие семьи было для папы важнее всего на свете. Но вместе с тем о многих вещах, касающихся тех самых детей, о которых он так радел, папа не имел ни малейшего понятия. Его прежде всего волновало, чтобы мы были сыты и здоровы. Остальным ведала мама.

Однажды папа принёс домой большой мешок с какими-то вещами. Опрокинув его посреди кухни, он подозвал маму:

– Леночка, посмотри, я тут детям обувь принёс! На базаре купил!

– На базаре? – мама с опаской и недоверием посмотрела на покупку.

Открыв мешок, папа стал радостно демонстрировать своё приобретение, выкладывая перед ней одну за другой несколько пар обуви. Мама глянула на покупку и ахнула:

– Это детям?! – В мешке, с такой радостью принесённом папой, оказались мужские и женские туфли таких размеров, каких в нашей семье никто никогда не носил.

– Что, не подойдут? – удручённо спросил папа.

– Ты хоть знаешь, что носят твои дети? какой у них размер ноги? в каком классе они учатся? – обречённо улыбаясь, сказала мама. – И что теперь со всем этим добром делать?

– Сделать огородное пугало и надеть на него вот эти баш-

маки! – подлетев, вмешался Гиля.

– Ну, хоть пугалу сгодятся, – тоскливо вздохнул папа.

– Пугалом потом займётесь, – сказала мама, забирая у Гиля трофей – пока это всё надо убрать. Туфли были сложены обратно в мешок и почётно закинуты на чердак, после чего о них благополучно забыли.

Но Гиля о своей идее не забыл. Мысли о пугале не давали ему покоя. И вот однажды, поймав момент, когда родители вместе ушли к кому-то в гости, забрав с собой маленького Алика, он решил взяться за дело. Только они ушли, Гиля подозвал меня и сказал:

– Давай папе с мамой сюрприз устроим!

– Какой сюрприз? – спросила я.

– Сделаем пугало в огород.

– Зачем им пугало?

– Как “зачем”, Лизка? С пугалом веселее! У других есть, пусть у нас тоже будет.

– А из чего мы его сделаем?

– Ну, во-первых, надо те башмаки пристроить, что папа принёс. А к ним подберём рубаху и штаны.

– И штаны ещё? – переспросила я.

– Конечно! – уверенно воскликнул Гиля. – А что у нас пугало без штанов будет?

– И где мы всё это возьмём?

Брат на секунду задумался.

– На чердаке явно что-нибудь найдётся. Пошли! –скоман-

довал он, и мы с ним полезли на чердак. Как и в любом доме, на чердаке у нас было много всякой всячины, в том числе и одежды, как оказалось. Последней хватило бы и на пугало, и на жену пугала, и ещё бы на их детей осталось. Собрав в мешок кучу тряпья и новые ботинки, из тех, что папа принёс “для детей”, мы поволокли всё это в огород. Притащив два шеста, верёвки, какое-то ведёрко, которое я раньше не видела – мой брат, оказывается, неплохо подготовился – Гиля принялся сооружать каркас для пугала. Мне велел проделать дырки в мешке... Потом кое-как мы напялили мешок на каркас, набили его чем попало и закрепили на шесте. Из отобранной на чердаке одежды нашли рубашку и старый папин пиджак, штаны, башмаки, разумеется, и надели всё это на чучело. На макушку ему Гиля прикрепил пучок верёвок, ну, вместо волос, и поверх импровизированной шевелюры нахлобучил ведёрко.

– А что это за ведёрко? – спросила я.

– Вчера сделал, – самодовольно заявил Гиля.

– Как это сделал? Сам? А из чего? – изумилась я.

– Нашёл у папы кусок жести и сделал.

– Влетит тебе за это.

– Посмотрим... Пошли, поставим его.

Гиля выбрал место возле калитки, чтобы пугало было видно всем. Закрепив его хорошенько, мы стали разглядывать результат своих трудов.

– Кажется, чего-то не хватает... – задумчиво произнёс Ги-

ля, глядя на чучело. – О! Знаю! – воскликнул он и побежал в дом. Вскоре он вернулся, держа в руке какую-то тряпку. “Тряпка” оказалась старым папиным галстуком, который Гиля тут же и повязал пугалу.

– А вдруг папе понадобится? – сказала я.

– Я его на чердаке взял. Папа всё равно не носит, а чучелу вон как хорошо! – довольно сказал Гиля.

Родители, открыв калитку, шарахнулись от нашего сюрприза, но поняв, что к чему, заулыбались. И тут мама обратила внимание на ведёрко. Что такое? Откуда? Такого у нас не было! Гиле, конечно, пришлось во всём признаться. И тогда папа, не говоря ни слова, снял ведёрко с “головы” пугала и принялся его разглядывать. Я вздохнула и шепнула брату: “Не миновать тебе трёпки”. А папа, осмотрев Гилину работу, сказал:

– Ну, раз ты такой мастер, бери в сарае инструменты, когда понадобится!

На следующий день наша соседка Хава Зейтман, зайдя за чем-то к маме на огород, посмотрела на наше чучело, оглядела его со всех сторон и сказала:

– Много я видела пугал всяких, но так, чтобы в галстук и новых ботинках, вижу впервые!

XIII. Визит ребе

Уважение к родителям присутствовало в нас с самого раннего детства, потому что мы росли в атмосфере любви, мира, понимания, видели уважение и любовь отца в его отношении к маме. Пример родителей – это лучшая школа, а их отношение друг к другу оказывают влияние не только на детство, но и на всю последующую жизнь их детей. Не помню, чтобы в нашем доме когда-нибудь было сказано грубое слово, чтобы разговаривали на повышенных тонах, а что касается нецензурных слов и матерных выражений, которыми так богат “великий могучий и свободный русский язык”, то мы, дети, их вообще не знали.

Однажды в конце лета, в тихий августовский вечер, мама, как обычно, возилась на кухне. Сегодня они с Сарой решили вместе приготовить ужин, затеяли картофельные оладьи, запеканку и яблочный пирог. Муки для пирога оказалось слишком мало, и Сара отправилась в бакалейную лавку, чтобы прикупить пару килограммов. Мама взялась замешивать запеканку. Через час должен был вернуться с работы отец. Тут в дверь постучали. Мама глянула на часы. “Неужели Абраша? Рано вроде...” – подумала она и пошла отворять дверь. На пороге стоял наш ребе.

Надо сказать, что после того случая с синагогой, когда Гилля отличился не лучшим образом, мама стала слегка побаи-

ваться ребе. Вернее, ей было стыдно смотреть ему в глаза. Она вспоминала о неблагоприятном поступке сына и краснела. И вот ребе снова в нашем доме. “Опять что-то стряслось!” – подумала мама, чувствуя, что её кидает в жар.

– Шалом, Лена.

– Шалом, ребе, проходите!

– Я тебе должен кое-что сказать. – У ребе было серьёзное и грустное лицо. Он снял шляпу, вздохнул и сказал: – Такая беда, Лена. Я не знаю, как тебе сказать, но я решил, что лучше тебе это услышать от меня, чем от других.

– Что случилось, ребе? – Мама слегка побледнела. Хорошее начало!

– Лучше я тебе это скажу, чем кто-нибудь. Я знаю вашу семью уже много лет. Я знаю твоего мужа ещё с тех пор, как он был вот такой... я знал отца твоего мужа; это был такой достойный человек, такой цадик, он всегда соблюдал Закон и воспитывал так всех своих детей. Я всегда уважал его, и твоего мужа тоже. – Ребе говорил тихим, печальным голосом. Мама никак не могла понять, куда он клонит, но ей уже становилось не по себе.

– У вас такая чудесная семья, – продолжал ребе, – и, когда такой цорес случается, это очень, печально, очень...

– Что стряслось, ребе?

– Твой Гиля... – ребе вздохнул, а у мамы сердце в пятки ушло. “Что он на этот раз сделал? Поджёг синагогу?” – подумала она. Ребе продолжал:

– Твой Гиля был таким хорошим мальчиком...

“Был!? Мой сын умер?!”

– Я не знаю, – продолжал свою пытку ребе, – как такое могло случиться. Вы не заслужили такой цорес! что теперь ты будешь делать?

Мама уже позеленела, готовясь услышать страшные слова о том, что она потеряла своего первенца.

– Твой сын пошёл по плохой дорожке, – покачал головой ребе.

– Ребе... – мама уже едва дышала.

– Ты не представляешь, что я увидел сегодня! Ты знаешь тот дом в конце вашей улицы, тот, что с синим забором? Твой Гиля стоял около этого забора. Ты знаешь, что он делал? – спросил ребе трагическим тоном.

Разумеется, мама не знала, что он там делал. Из слов ребе она хотя бы поняла, что её сын жив, и теперь готова была услышать всё, что угодно.

– Ты знаешь то неприличное слово, что пишут на заборах всякие бездельники? Так вот, на том заборе написано это слово, а твой сын стоял и читал это неприличное слово! Он его изучал так, как будто это Та-НаХ! Если так пойдёт, то быть тебе однажды свекровью шиксы!

Мама закрыла лицо ладонями. Ребе решил, что ей так стыдно за сына, что она не может смотреть ему в глаза. На самом же деле маму душил смех. Усилием воли подавив его, она сумела лишь выговорить:

– Я поговорю с ним, ребе.

В тот же вечер мама выяснила у Гили, отчего он с таким интересом разглядывал надписи на заборе. Он ответил, что ему хотелось понять, что это за слово такое странное, он его никогда не слышал. Мама объяснила, что это такое и больше к этой теме не возвращались.

XIV. Репрессии

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся Советская земля...

...звучала по радио песня. Эта, и многие другие будили нас по утрам, с них начинался день, у кого – трудовой, у кого – учебный. Народ просыпался, вставал и шел строить светлое будущее. Строили его очень добросовестно, и многие искренне верили, что оно действительно будет светлым. Другие верили, потому что боялись; не верить было нельзя – “неверующий” объявлялся врагом народа.

В то тяжёлое время сталинских репрессий наша семья не пострадала. Но как часто мы слышали тогда, в 37-ом, об арестах “социально чуждых элементов”!

Помню, как однажды вечером прибежала к нам тётя Цива, взволнованная, лица на ней не было. Мама перепугалась:

– Что с тобой? Что стряслось?

– Взяли родителей Яши, – почти шёпотом сказала тётя Цива.

– Какого Яши? Куда взяли? – не поняла мама.

– Арестовали.

– погоди, ты сядь, объясни, что случилось?

– Мальчик Яша Гольдман учится с Меиром в институте, – сбивчиво заговорила тётя Цива, – его родителей арестовали вчера. Такие хорошие люди! Они у нас были как-то... Поздно вечером пришли из органов, ничего не объяснили, устроили обыск. Что искали? Ничего не сказав, обоих родителей увели. Сегодня Яши не было в институте, так Меир пошёл к нему после занятий, узнать, в чём дело. Тот ему рассказал, что случилось. Мальчик в шоке, не знает, что делать... А я теперь за Меира боюсь.

– А с чего тебе бояться за Меира? – не поняла мама.

– А как же! Они ведь друзья с Яшей! А вдруг они начнут искать среди друзей...

– Перестань! Не будет ничего! И вообще, всё выяснится, может это ошибка. У нас без вины не сажают! – уверенно сказала мама.

– Лена, ты правда в это веришь? – печально спросила тётя Цива,

– Как же жить, если не верить?

– А ты забыла, скольких наших соседей забрали? Ты что веришь, что они все виновны? Что это были враги народа? Люди слово молвить боятся, даже в доме у себя боятся говорить, потому что стены имеют уши. Сосед на соседа доносит, если тот ему не угодил. Полгода назад, помнишь, я тебе рассказывала, как наших соседей Коэнов, взяли. Их кошка съела соседского цыплёнка, а те донос написали, будто они портрет Сталина выбросили... И ведь никто не стал разби-

раться, что у Коэнов отроду портрета Сталина в доме не было.

Маме нечего было возразить. Да, мы видели аресты соседей, большинство из которых были евреи. Мы также знали, что следует помалкивать, чтобы не случилось беды. И всё-таки нам, как и большинству рядовых граждан, не хотелось верить в то, что всеобщий кумир вовсе не так безгрешен, как нас заставляют думать.

– Ты понимаешь, почему я боюсь за сына? – продолжала тётя Цива, – он и сегодня пошёл к Гольдманам. С одной стороны, конечно, жалко мальчика, надо поддержать, но если...

– Никаких “если”, Цива! – перебила её мама, – Они же друзья! Они должны друг другу помочь, поддержать, ведь мы этому учим своих детей, чтобы они всегда оставались людьми, не предавали, не забывали друзей.

– Лена, я просто боюсь за него!

– Молчи, беду накличешь! Не думай о плохом, ничего не случится.

К счастью, мамины слова сбылись. С Меиром ничего не случилось, его дружба с сыном “врагов народа” ему не навредила. Да и самого Яшу Гольдмана органы не тронули, поскольку “сын за отца не отвечает”. Но родители Яши были арестованы, исключены из партии за “идеализацию врагов народа” со всеми вытекающими последствиями. Их сыну вскоре пришлось бросить институт, забыть об учёбе и пойти работать на завод... Сколько было в жестокую сталин-

скую эпоху таких Гольдманов, невинно осуждённых, опозоренных, клеймённых, на долгие годы лишённых свободы и даже права общаться с родными! Сколько было людей с поломанной судьбой!

XV. Любимая тётя

Середина и конец 30-ых годов запомнился нам, конечно, не только арестами знакомых и соседей, тем напряжением в обществе, которое было вызвано готовящейся войной в Европе, и смутным предчувствием надвигающейся катастрофы. Люди старались не думать о плохом, на многое закрывая глаза, жили сегодняшним днём, по крохам собирая светлые мгновения жизни, словно запасаясь счастьем впрок. В те годы наша семья, к счастью, не попавшая в мясорубку сталинских репрессий, жила обычной жизнью рядовых граждан: мы учились, работали, отдыхали, ходили в гости, как могли, радовались жизни в родном городе, виделись с близкими, строили планы на жизнь.

Мамина старшая сестра, Гися, жила в Могилёве на улице Пионерской, недалеко от центра. У неё было два сына – Хаим и Гидик, и дочери – Лиза и Маня. Хаим служил в десанте, был парашютистом. А Гидик был художником, рисовал афиши для кинотеатра “Родина”; так, однажды, ему была доверена ответственнейшая работа, с которой он легко справился – нарисовал углём портрет Сталина. Это был предмет нашей всеобщей гордости!

Вторая мамина сестра – тётя Хана – жила недалеко от нас. Она была замужем, у неё были взрослые дети, сыновья Боря и Лёва и дочь Лиза, и хотя мы жили недалеко друг от друга,

виделись не так часто, как следовало бы. Мама очень любила сестёр и её огорчало то, что мы редко навещаем друг друга. У всех были семьи, дети, работа, хозяйство, поэтому встречаться удавалось лишь по праздникам, и то не всегда. Папину сестру Эстер, жившую на Луполово на Новочерниговской улице (нынешняя Пушкинская), мы тоже не часто навещали, хотя очень любили там бывать, когда всё же удавалось отложить все дела, “послать к чертям”, как говорил папа, и обо всём забыть в обществе радушной хозяйки тёти Эстер в живописном районе за Днепром.

В нашем доме гости всегда были желанны. Мы радовались их приезду и сопровождавшим его шуму, смеху и суете. Мама пекла особые булочки, папа приносил пирожные и конфеты, в доме пахло праздником. А поскольку приезды гостей обычно приходились на еврейские праздники, то нам эти дни были дороги вдвойне.

Чаще других нас навещала мамина младшая сестра Гитл, наша любимая тётя Гитл. Её приезду мы особенно бывали рады, потому что никто из наших тётушек не возился с нами и не уделял нам столько внимания, сколько уделяла она. Будучи тремя годами младше мамы, стройная, красивая, обаятельная, она, однако, поздно вышла замуж, гораздо позже других сестёр. Она казалась нам ещё моложе, когда играла и гуляла с нами, на что у нашей мамы попросту не было времени. Тётя Гитл была для нас и тётей, и старшей сестрой, и, позднее, подругой. Ей можно было всё рассказать, всем по-

делиться, с ней можно было посмеяться и посекретничать. А какой радостью были для нас совместные походы по магазинам! Мы с ней могли полгорода оббегать, не замечая усталости, делать покупки или просто рассматривать красочные витрины, гулять по улицам и есть мороженое. Часто, вволю нагулявшись по городу и изрядно проголодавшись, мы забежали в булочную и покупали маленькие булочки с изюмом, и потом, в ближайшем сквере с удовольствием съедали их.

Мама редко сопровождала нас в этих походах, если мы и шли куда-то все вместе, так только к портнихе. Мама с Гитл доставали по отрезу, припасённому для этого случая, и мы шли “снимать мерки”. Портниха вертела маму перед большим зеркалом, приговаривая:

– Смотрите, как хорошо, как вам идёт, какая фигура! На вашу фигуру шить – это просто удовольствие!

Мама была очень придирчива, ей нужно было, чтобы платье сидело идеально! Бывало, вернёмся от портнихи, мама примерит только что принесённое платье, найдёт какой-нибудь изъян и давай переделывать вместе с сестрой. А тётя Гитл ей говорит:

– Лена, ты бы уж лучше сама это платье пошила, чем после портнихи переделывать!

Но ни шить, ни вязать мама не умела, “с иголкой не дружила”, как она говорила, смеясь. Из всех видов рукоделия ей по силам было только заштопать и пуговицу пришить. Зато тётя Гитл была мастерица! Благодаря ей зимой мы были

обеспечены вязаными свитерами, не говоря уже о шапках и варежках.

До замужества тётя часто баловала нас своими приездами. Но в 38-м она вышла замуж и уехала в небольшой город Быхов, в пятидесяти километрах к югу от Могилёва. Домашние хлопоты и маленькие дети уже не позволяли ей так часто бывать у нас. Мы время от времени навещали их, но то золотое время, когда мы вместе гуляли, бегали по магазинам и ели булочки в сквере, то время навсегда осталось в прошлом. Хотя мы и мечтали о том, что, когда тётини малыши подрастут, мы вновь все вместе будем гулять по улицам родного Могилёва, есть мороженое и кататься на качелях в парке, но... смутное предчувствие подсказывало нам, что этого никогда больше не будет.

XVI. Дедушка

Кроме тёти Гитл частым гостем в нашем доме был дедушка Исаак – отец мамы. Он был незаурядной личностью. Есть семейная легенда о том, как однажды зимой дед сумел вытащить провалившегося под лёд коня и, придя домой, сначала насухо вытер животное и только потом занялся собой.

Дед наш был необыкновенным человеком, прошедшим тяжелейшие испытания, которые наложили свой отпечаток на его и без того неординарную личность. Голод, болезни, два пожара, смерть жены, погромы и, как следствие всего этого, переезд и необходимость начать строить жизнь на новом месте. Твёрдый характер в сочетании с физической силой и стойкостью позволили ему спасти семью и заново выстроить свою жизнь. И на всём этом долгом и трудном пути первое, что поддерживало его и давало силы – это его вера в Бога, которая ни на миг не ослабевала даже в самых тяжёлых бедах, выпавших на его долю. У истинного еврея вера в Творца не слабеет в испытаниях. Для нас эта его способность никогда не падать духом и противостоять самым тяжёлым жизненным ситуациям, оставалась непостижимой загадкой. Мы не в силах были её постичь от того, что не верили так, как верил он. Однажды мы в этом убедились.

Я помню, как-то раз, в самом начале весны, дедушка приехал к нам с гостинцами: Алику привёз какую-то игрушку,

мне и Гиле – радости, и про папу с мамой не забыл. Приехал радостный, весёлый, раздаёт подарки и замечает, что дочка его какая-то понурая.

– Что с тобой, Ента? – спросил дедушка.

– Ой, плохо что-то с утра сегодня...

– Молчи, – перебил её дед, – нельзя говорить “плохо”, особенно сегодня!

– А почему “особенно сегодня”? – спросил Гиля.

– Потому что сегодня Пурим – самый весёлый еврейский праздник, – ответил дедушка, – сегодня можно только радоваться! Это закон. Заповедь – радоваться, и её надо соблюдать.

– А если человек не может радоваться и веселиться? Если ему плохо? Если он болен или просто у него нет настроения? – не унимался Гиля.

– Если что-то болит, забудь, не думай, и боль пройдёт. Если нет настроения, вспомни о хорошем, улыбнись, и станет радостно на душе. Никогда нельзя говорить: “мне плохо”. Когда человек так говорит, Бог посылает ему ещё больше бед, чтобы человек узнал, что такое на самом деле “плохо”. А когда человек радуется, и говорит: “Я счастлив!” Бог говорит: “Нет, ты ошибаешься, ты ещё не достаточно счастлив”, и посылает человеку счастье...

Живя в Сельцах, дедушка заслужил уважение всей округи. Его любили, к его мнению даже руководство колхоза прислушивалось. Несмотря на преклонный возраст – дедушке

было под семьдесят – он работал, содержал жену и троих детей, младшему из которых не исполнилось и семи лет. Звали его Миша.

Всё родня его обожала. Миша был умный, не по годам смыслённый, очаровательный мальчишка. И очень красивый. К его сёстрам, Малке и Эстер, семнадцати и шестнадцати лет, природа оказалась не так щедра, а Мишу не поскупилась одарить всем, чем только могла: и красотой, и умом, и добрым нравом. Дедушка очень гордился своим младшим сыном.

Своих старших дочерей, живущих в Могилёве, дедушка тоже не забывал. По мере возможности старался каждую навещать, но больше всего любил бывать у нас. Отправляясь в гости к дочерям, дедушка всегда брал с собой Тору и своё молитвенное облачение. Мы с Гилей подглядывали за тем, как он повязывает на руку и голову тфилин, надевает талес, берёт в руки молитвенник, непонятно зачем становится лицом к печке, совершая молитву, и тихо хихикали за полуприкрытой дверью. Поведение деда нас забавляло.

– Как он может так верить во всё это? – недоумевала я. А Гиля мне в ответ:

– Ну, что ты хочешь? Дедушка же не учился в советской школе, он не знает, что бога нет.

Мы очень старались говорить тихо, но, возможно, дедушка услышал последние Гилены слова. Закончив молитву, он подошёл к нам и, вздохнув, сказал:

– Дети, вы живёте в другое время, и я не могу вас заставить верить. Но я умру в той вере, в которой я родился.

Почему-то эти его слова запомнились мне на всю жизнь.

Однажды мы с Гилей заметили на столе оставленную дедушкой книгу. Мы никогда не трогали чужих вещей, это было не в наших правилах. Но тут любопытство нас одолело, и мы стали с интересом разглядывать старую, потёртую книгу, написанную на древнем языке.

– Буквы странные, – сказал Гиля, – как палочки.

– Не трогай руками! – предупредила я. Но помешать моему брату исследовать неизведанное, было невозможно!

– Да ладно, мы же не съедим её, только посмотрим, – и он осторожно раскрыл книгу. – Смотри, Лизка, письмена какие! Точки, чёрточки...

– Вот сейчас дедушка увидит, устроит тебе и точки, и чёрточки, и точки с запятыми по мозгам!

– За что “по мозгам”? – произнёс незаметно подошедший дедушка. – За интерес к святой книге?

– А почему она святая? Её же люди писали.

– Люди бы такое не написали. Люди и о своём прошлом не знают, а уж будущее им и подавно не дано видеть.

– А здесь и о будущем написано? – оживился Гиля.

– Конечно, только не все могут это увидеть и прочитать.

– А кто может?

– Тот, кто очень долго и тщательно изучает святые тек-

сты, – ответил дедушка и, помолчав, добавил, хитро поглядывая на Гилю, – ...и тот, кто знает иврит, разумеется.

– А она разве не на идиш написана?

– Нет, Тора написана на древнееврейском языке – на иврите.

– И о чём же в ней рассказано?

– История нашего народа, и вся история человечества с сотворения мира.

Дедушка сел, раскрыл Тору на первой странице и справа налево прочитал:

– “Бэрэши’т бара’ элои’м эт а-шама’им вэ-эт а-а’рэц”. Что значит: “Вначале сотворил Бог небо и землю”. Ну-ка, – обратился дедушка к Гиле, – попробуй ты прочитать!

– Так я же букв не знаю! – удивился Гиля.

– Вот сейчас и узнаешь. Эта буква “бэт”, эта – “рэйш”, “алеф”, “шин”, “йюд” и “таф”. А точки под ними означают звуки “э” “и”. Слово “бэрэши’т”...

Так, ненавязчиво, дедушка склонил нас на изучение иврита. “Знание языка всегда пригодится” – повторял он. Где может пригодиться этот язык, мы не понимали, но нас забавляла новизна и необычность предмета. Каждый раз, приезжая, дедушка давал нам урок, и постепенно замысловатые древние письмена уже не казались нам такими непонятными. Гиле, с его жадной жадностью и страстью ко всему новому, нравилось погружаться в “Книгу книг”, разгадывая тайны святого языка. Меня тоже привлекала странная письмен-

ность, такой особенный, диковинный шрифт и мистическое звучание иврита. Кто знает, возможно, мы бы и выучили его со временем, хотя бы на уровне понимания; ведь идиш мы неплохо знали, хоть и не могли говорить на нём, поскольку дома общались на русском, и только родители иногда говорили между собой на идиш. Но, на беду, дедушке случилось заболеть, и какое-то время он у нас не появлялся. Без него мы забросили язык, перестали заниматься и постепенно всё забылось.

XVII. Воры

Мама верила в сны, в предчувствия и предзнаменования. При этом свои сны она истолковывала буквально и если видела плохой сон, так и говорила: “Дурной сон приснился”. Она не умела дать хорошее толкование плохому сну, как учит еврейская традиция. Помню, однажды я случайно подслушала её разговор с бабушкой. Она, видимо, рассказала ему свой сон и, как видно, не очень приятный, поскольку была огорчена и встревожена и говорила почти шёпотом, а дедушка нахмурился и сказал:

– Нельзя так, Ента. Нельзя плохое говорить! Запомни, что бы ни приснилось, какой бы плохой сон не был, всегда надо придумать ему хорошее объяснение, потому что сон сбывается так, как ты его истолкуешь. Так говорит наша еврейская традиция.

Но у мамы никак не получалось следовать этому правилу. Из “плохого” сделать “хорошее” она не могла. И от тревоги своей тоже не могла избавиться. Возможно, я не запомнила бы этот случай, если бы не событие, вскоре последовавшее за ним: старший сын тётки Ханы, Сёма, разбился, упав с лестницы, получил сотрясение мозга, которое перешло в воспаление. Ему сделали операцию в Москве, но спасти его не удалось... Что случилось тогда с мамой! Мы думали, она не переживёт смерти племянника...

Однажды утром в начале весны 1941 года мама проснулась с болью в груди.

– Что, что, Леночка? Что с тобой? – забеспокоился папа.

– Плохой сон приснился, – ответила мама, – что-то не хорошо мне. Я видела наш дом в огне... мы бежим, и люди вокруг бегут... и улицы горят.

– Ну, мало ли что может присниться! Не обращай внимания! Это всего лишь сон, – пытался её успокоить папа. Но мама смотрела остановившимся взглядом мимо него; в глазах у неё застыл страх.

После завтрака в привычных домашних хлопотах мама позабыла о сне, взволновавшем её, и о своём беспокойстве.

Придя из школы, я увидела, что мама с Сарой что-то оживлённо обсуждают, а из кухни доносится аппетитнейший запах пирога.

– У нас будет пирог на обед? – спросила я весело.

– Нет, не на обед, а на ужин, – ответила мама. – Сегодня к дяде Айзеку сестра придёт.

– Ура! У нас будут гости!

У Айзека Сидаревского было два брата и две сестры. Одну сестру, Хасю, мы знали, она жила по соседству. Вторая – Соня – жила на Луполово, работала бухгалтером на заводе. Братья жили в Бобруйске, мы с ними не были знакомы, но Айзек много о них рассказывал, очень сокрушался, что они живут в разных городах. Когда он говорил об этом, мне было

его жалко. Мой детский ум вообще не мог представить, как могут родственники, да ещё такие близкие, жить в разных городах так далеко друг от друга? Разве так можно? Не иметь возможности встречаться, когда захочется, быть лишёнными радости видеть друг друга так часто, как сердце пожелает! Не радоваться вместе праздникам, не противостоять вместе невздам? Как же так можно? Разве не должны члены одной семьи держаться друг друга? Помочь, поддержать, когда нужно? Жить в десятках километров друг от друга – это ужасно!.. Мне не дано было знать тогда, что членов моей семьи судьба разведёт не по разным городам, и даже странам, а по разным континентам, и разлука их будет длиться долгие годы...

Но, к счастью, тогда я об этом не знала, и вечер прошёл замечательно. Айзек познакомил нас с сестрой Соней. Она оказалась умной, весёлой, приятной молодой женщиной и мы прекрасно провели время в обществе наших дорогих соседей. Допоздна сидели, говорили о жизни, шутили, Айзек рассказывал разные истории. Спать ложиться не спешили – ведь завтра воскресенье. Разошлись далеко за полночь.

На рассвете маму разбудил какой-то щелчок. “Наверно, у соседей,” – подумала мама сквозь сон. Но через мгновение совсем близко, будто у самого изголовья кровати, мама услышала скрип открывающегося окна и чей-то приглушённый шёпот. Сон мгновенно бежал от неё.

Наш дом стоял на возвышенности, на небольшом холме,

который спускался к речке. Окна фасада, выходящие на улицу, были гораздо ближе к земле, чем окна задней части дома, обращённой к Дубровенке; там была комната Сидаревских. А окна родительской спальни выходили на Вербовую. Кровать стояла неподалёку от окна. Прислушиваясь к встревожившим её странным звукам, мама приподнялась на кровати, устремив взгляд на окно. Между задёрнутых занавесок просунулась мужская рука, а за ней и голова.

Мама хотела закричать, но вместо крика у неё вышло еле слышное: “А-а!” Папа проснулся и, увидя жену, сидящую на кровати, с расширенными от ужаса глазами издающую непонятные звуки, решил, что ей плохо и, испугавшись за неё, попытался её успокоить:

– Что, Леночка? Что с тобой?

– А... а... – мама протягивает руку в сторону окна, пытаюсь ему объяснить, но папа не понимает, что она хочет сказать ему и не сводит с неё глаз.

– Тебе плохо? Что, Леночка, сердце? Что?

Поднятая мамой тревога всё-таки спугнула воров: дальше они не полезли, но просунувшаяся в окно рука успела схватить одно из двух покрывал, лежащих на подоконнике, тех самых покрывал, которыми наша мама так бережно и с таким искусством застилала кровати.

– Там... воры! – наконец смогла она выговорить.

– Где?! – папа вскочил, кинулся к окну и лишь успел увидеть, как они скрылись за углом. Он выбежал из комнаты,

крича: “Айзек! Воры!!!” Проснулись Сидаревские. Быстро сообразив, в чём дело, сосед схватил охотничье ружьё и, выскочив на крыльцо, не глядя, сделал два выстрела в воздух. Но воров и след простыл.

Перепуганные Сара с Соней выбежали в переднюю; узнав о том, что случилось, побежали к маме. Потом на всякий случай обошли дом, папа с Айзеком спустились в подвал, проверили там все закоулки, что было не просто, потому что в нашем подвале можно было запросто спрятаться, мы, дети, это хорошо знали и не раз там играли в прятки. К счастью, ни в подвале, ни в комнатах не нашлось ничего подозрительного. Никаких следов. Единственное, что пострадало – это мамино любимое покрывало...

На следующее утро, когда мама пошла за водой, возле колодца она встретила Степаниху. Та посмотрела на неё как-то странно. Мама подумала: “У меня, наверно, на лбу написано о том, что случилось”.

– Эх, Леночка, а вы ведь избежали большой беды, – сочувственно сказала Степаниха.

– Какой беды? – переспросила мама.

– Да вас же хотели убить. Они шли, чтобы вас убить. Думали, у бухгалтерши, у сестры Айзека, деньги с собой. Хотели поживиться, а потом свидетелей убрать.

– Откуда ты знаешь?

– Слухами земля полнится, – ответила Степаниха, – ты уж мне поверь. Слава богу, что так обошлось! И, глянь, надо же,

как задумали! Со стороны Сидаревских не полезли, знали, видимо, что ружьё у него. Да и высоко с их стороны. Решили, что вас проще будет... – и, видя, что мама побледнела, поскорее добавила – забудь, забудь, Леночка! Вас Бог спас.

А мама шла домой и думала: “Дай Бог, чтобы этим всё закончилось, чтобы воры и были той бедой, которую пророчил мой сон”.

XVIII. На озере

История с ворами постепенно забылась. Мамина тревога немного улеглась, усыплённая мирным течением времени. А между тем пролетела весна. В мае 1941-го года я окончила пятый класс с отличием и, как всегда, с похвальной грамотой. Гиля, разумеется, тоже порадовал маму таким же листом с портретами Ленина и Сталина. С каким нетерпением мы ждали окончания учебного года! На предстоящее лето у нас было много планов. Папа обещал научить меня плавать, а тётя Гитл ждала в июле нас троих – Гилю, меня и Алика – у себя в Быхове. Мы целый месяц должны были жить у неё.

И вот наконец-то оно наступило, это всеми красками сияющее долгожданное лето. Целыми днями мы бегали по оврагам, наслаждаясь обрётённой свободой. А в редкие папины выходные мы отправлялись в парк на карусели или просто гуляли в центре города и были безумно счастливы, как можно быть счастливыми только в детстве.

Любимым местом отдыха могилевчан был парк им. Горького. Красивый зелёный парк на правом берегу Днепра, располагался на валу между Советской площадью и Быховским рынком. Весь город собирался там. Каштановые аллеи при входе вели к памятнику Горькому. Цветущие каштаны – это сказочное зрелище! В пору цветения люди под ними фотографировались. Справа от входа был летний театр, где всегда

был аншлаг. В парке играл оркестр, звучала музыка. Отдыхающие сидели на скамейках и слушали. А потом начинались танцы. Большая танцевальная площадка манила и взрослых, и детей, и молодых, и пожилых. Люди танцевали и под оркестр, и под патефон. Рядом был летний ресторан. И там же была смотровая площадка, откуда открывался чудесный вид на Днепр, сверкающий в долине, окружённой высоченной стеной деревьев. С этой площадки, находящейся на возвышении, можно было любоваться плывущими по реке пароходами.

Другим излюбленным местом народных гуляний была улица Первомайская – одна из центральных улиц Могилёва. Она проходила через всю правобережную часть города от Советской площади до лесного массива на окраине. На Первомайской проходили народные гуляния. Иногда по воскресным дням мы отправлялись туда с папой есть мороженое.

С середины мая уже можно было купаться в Днепре. Горожане пользовались этой возможностью и каждый погожий денёк проводили у воды: загорали и плавали. Нам до Днепра было далеко, и потом, как говорил Гиля: “Зачем нам Днепр, когда у нас под окном свой “Днепр” есть”, имея в виду Дубровенку. Он мог целыми днями плескаться в речке.

Чуть севернее нашей улицы, выше по течению, река Дубровенка гораздо шире той части, что катит свои воды вдоль Вербовой улицы и дальше в Днепр. Этот широкий – до 150-

ти метров – отрезок реки мы называли озером. Вот на это самое “озеро” мы иногда ходили с мамой, но чаще с папой. Там он учил нас плавать.

Как-то мама, поддавшись нашим уговорам, пошла с нами на озеро. Надо сказать, что уговаривать её на этот раз пришлось долго. С самого утра у неё не было настроения – оно было подпорчено плохим сном, тем самым, который уже однажды снился ей накануне того дня, когда к нам полезли воры. Нечего и говорить о том, как она была встревожена.

– Возле воды настроение поднимется, – уговаривал её Гиля.

– И все дурные мысли волны унесут, – добавила я.

– Верно! И дедушка так говорит.

– Лучше завтра сходим все вместе с папой.

– А вдруг завтра не сможем? – не унимался Гиля. – И потом, ведь папа обещал достать вам билеты в театр, тогда будет уже не до озера.

В конце концов, мама сдалась. Взяв с собой кое-что из еды, мы все отправились на озеро. Алик, которому тогда минуло пять лет, шагал, держа за руки меня и маму, и был беспрельдно счастлив. Всю дорогу до озера он болтал о чём-то, не давая маме погружаться в свои мысли. Наше с Гилей предположение сбылось: у воды мамина тревога рассеялась, настроение заметно поднялось. Мы устроились на траве, и с аппетитом съели принесённые пирожки с капустой. Гиля побежал плескаться в речку, Алик – за ним, а я пошла искать

в траве “гармошки”, чтобы сплести из них бусы. . . Некоторое время спустя мы увидели папу, идущего к нам с неизменной коробкой пирожных в руках. Придя домой и увидев, что нас нет, папа не захотел, по его словам, сидеть одному с пирожными и отправился за нами на озеро.

Лёжа на траве возле тихо беседующих папы с мамой, глядя на братьев, весело плескающихся у берега, я думала: “Как жалко, что мы так редко гуляем все вместе, надо бы в следующее воскресенье снова уговорить маму с папой прийти сюда”. Тихая живописная долина Дубровенки, окаймлённая столетними дубами, которые и дали название речке, была в моём представлении райским уголком. Отдельно стоящие дубы своей тяжёлой кроной заменяли беседки, распространяя вокруг себя тень и прохладу. Я лежала, глядя в голубое небо, такое чистое, ясное, безоблачное, вдыхала чудесный аромат дубравы и думала: “Нигде в мире нет такой красоты! Я никогда не покину это место. Когда я буду совсем старая, я приду сюда со своими внуками и расскажу им об этом счастливом дне. . .” Мои мысли были прерваны возгласом папы:

– Всё, дети, сматываем удочки! Поздно уже.

Начинало смеркаться. Бледная луна появилась на небе, а рядом с ней первая звезда. День закончился. Мама под руку с Гилей, я с папой, Алик, задремавший на папином плече – мы возвращались домой в поздних июньских сумерках, строя планы на завтра. Уже у дома папа воскликнул:

– А! Леночка, я же совсем забыл! Я достал на завтра би-

леты в театр на “Кровавую шутку”. Вот, смотри!

Мама обрадовалась: Шолом Алейхем был её любимым писателем, она им зачитывалась.

А на билете стояла дата – 22 июня.

Часть II

Война (1941–1945)

I. 22 июня

Воскресному утру 22 июня 1941 года суждено было стать чёрным днём в календаре всех граждан нашей тогда ещё необъятной страны. Обычное летнее утро обернулось кошмаром, перевернуло жизнь миллионов людей.

Сразу после завтрака я убежала к Ите. Дома были только она и Галя. Давид Ааронович и Цива Меировна ушли на рынок, Меир ночевал у друзей. Вчера мы с Итой кое-что задумали и сегодня решили это исполнить.

– Принесла? – спросила Ита.

– Да. А ты приготовила?

– Да, вот, – показала она небольшой свёрток, – пошли!

Когда мы с ней выходили из дома, я увидела краем глаза почтальона, вручающего Гале конверт, и до меня донеслось слово “повестка”, но мне и в голову не пришло придать этому значение. Мы с Итой отправились по берегу Дубровенки в сторону “нашего оврага”. Это был неглубокий овраг, скорее похожий на большую, длинную яму под дубом. Забрав-

шись туда, каждая из нас достала то, что принесла с собой. Ита вынула из свёртка маленькую жестяную коробочку, а я сложила туда кое-какие детские безделушки. Затем, вырыв ямку, мы положили туда наш “клад”.

– Когда-нибудь мы придём сюда, откопаем её и вспомним наше детство, – сказала я.

– Да. Только сделаем это непременно вместе, – добавила Ита.

Мы не заметили, как пролетело время. Было уже, должно быть, около полудня.

– Пойду я, – сказала Ита. – Родители, наверно уже вернулись, мама будет меня искать.

– Подожди, – остановила я её, – мама что-то хотела передать тёте Циве, просила, чтобы ты зашла к нам.

– Ну, пошли.

Мы спустились к речке, перешли мост, поднялись по холму к нашему дому. Нечто странное происходило на Вербовой улице. Толпа людей собралась возле репродуктора. В зловещей тишине громко, отчётливо звучали слова:

“...германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке...”

Послышался женский плач. Мы с Итой переглянулись. Страшный смысл происходящего сразу дошёл до сознания, и в эту минуту мы поняли: наше детство кончилось.

“...Налёты вражеских самолётов и артиллерийский об-

стрел были совершены...” – продолжал звучать голос...

– Мне надо домой! – и, порывисто обняв меня, Ита побежала вниз к реке. Больше я её не видела.

Забежав домой, я увидела всех наших собравшихся возле радиоприёмника. Женщины тихо плакали. Мужчины серьёзным озабоченным взглядом смотрели в пустоту. Дети притихли, поняв, что происходит что-то важное и нехорошее.

“...Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключён договор о ненападении...”

– Гиля, – тихо позвала я.

– Война, – отозвался брат.

Я посмотрела на него и увидела, как он изменился. Мой старший брат, порой шаловливый, озорной, всегда такой весёлый, насмешливый, неунывающий, стал вдруг серьёзным, задумчивым и сейчас ещё больше был похож на папу. Он словно в одночасье повзрослел. Детство закончилось в один миг: война положила ему конец. Я почувствовала безумный страх за него. “А вдруг его заберут на фронт? Да нет же, нет! Конечно, не заберут, ему ведь только пятнадцать! А вот Мерира заберут, ему уже исполнилось девятнадцать...” По радио продолжал звучать голос Молотова, призывая народ сплотиться и дать отпор врагу:

“...Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за сво-

боду... Враг будет разбит. Победа будет за нами”.

Ни у кого не было и тени сомнения в этом. Но до тех пор, пока враг не будет разбит? В глазах у каждого стоял немой вопрос: “Что нас ждёт?”

Утром следующего дня мы провожали на фронт Айзека Сидаревского. Все плакали, обнимали его, наказывали беречь себя и непременно вернуться живым! Сара, рыдая, долго не могла отпустить его. Никакими словами не описать эту картину боли, страха, горя, любви. Сердце жены чувствовало, что больше она его не увидит. “Береги себя и детей”, – сказал он ей и вышел. Он не хотел, чтобы его провожали, и простился со всеми дома.

Так уходил на фронт не только Айзек Сидаревский. Так уходили мужчины почти из каждого дома на нашей улице, и с других улиц, и городов, и деревень всей нашей страны. Уходили молодые, красивые, здоровые, сильные, оставляя свои дома и семьи, уходили, чтобы, возможно, уже не вернуться. Мы смотрели, как идут на фронт соседи, знакомые, как их со слезами провожают матери и жёны. Хаим, сын тётки Гиси, был призван в десант. Также получил повестку Боря, сын тётки Ханы. К счастью, нашей маме не пришлось провожать на фронт ни мужа, ни сына. Папа по документам был старше призывного возраста; то, что в Гражданскую войну позволило ему пойти на фронт, сейчас дало возможность избежать

призыва. Он был призван в войска тыла.

А через три дня нас начали бомбить.

II. Сон в руку

Уже на четвёртый день войны – 26 июня – немцы бомбили Могилёв.

С той самой минуты, как объявили о вторжении германских войск и начале войны, радио у нас не выключалось, мама прислушивалась к каждому звуку, в тревоге ожидая новостей. Нас она от себя не отпускала, и очень боялась за папу – он служил в МПВО.

Двадцать шестого июня по радио передали, что на Могилёв движутся немецкие самолёты и людям центра города надлежит бежать прятаться в большой овраг.

На сборы у нас оставались считанные минуты. Мама схватила документы из шкатулки и какие-то бумаги, пару красивых отрезков, что попались ей под руку, завязала в узелок, вручила его Гиле, взяла на руки Алика, и мы выбежали из дома. Мама впереди, мы с Гилей за ней. На улице я обернулась и взглянула на дом. “А вдруг я больше никогда не увижу его?” – подумалось мне. Как странно, иногда молнией мелькнувшая мысль оказывается пророческой! Доля секунды, и я снова бегу, увлекаемая братом, который крепко держит меня за руку. Соседи с Вербовой и с примыкающих улиц, как и мы, бежали в укрытие. Уже ясно слышался в небе рёв самолётов.

Люди бежали вниз, к оврагу, куда было велено. Каким-то

чудом папа нагнал нас и в овраг мы уже прыгали все вместе. Оглушительный рёв мотора раздался прямо над нашими головами. Мы едва успели упасть на землю. Из всех нас один Алик, упав навзничь, оказался лицом к небу. Детские глаза видели чёрный самолёт, несущий смерть...

Раздался взрыв, страшной силы оглушительный грохот. Земля задрожала. Нам показалось, что мы уже лежим на дне могилы, и края оврага смыкаются над нами. Одна большая братская могила, вырытая природой и засыпанная вражеской бомбой. Я тихо заплакала и вдруг почувствовала руку брата на своём плече.

– Мы живы, Лизка, ты чего? – услышала я.

В самом деле, мы были живы. Подняв голову, я увидела, что люди на дне оврага так и лежат, как упали, потихоньку поднимаются с земли, все целы и невредимы. Где же был взрыв?

По счастливой случайности, бомба, предназначенная для оврага, где прятались люди, упала на гору и, попав в дом, разнесла его в щепки. Мы увидели пламя огня над нашей улицей. Понять, где именно горели дома, было невозможно. Папа побежал посмотреть, что случилось. Мама попыталась было его остановить.

– Я должен, Лена! Я должен! – крикнул он и побежал наверх.

Вокруг слышался плач и стоны женщин. Люди, что были в овраге, не знали, куда бежать, многие боялись возвращать-

ся в свои дома, не зная, что их там ждёт. Другие, напротив, бежали прочь. Где ещё упали бомбы, мы не знали.

Мы так и остались в овраге в растерянности, не зная, куда идти и что делать. Вернуться домой не решались. Увидеть, во что превратилась наша улица – тоже не могли отважиться. Так и сидели, прижавшись друг к другу и пытаясь осмыслить то, что произошло... Наконец, мы увидели папу: он спускался с холма. Вернувшись, он сообщил, что наш дом, слава Богу, цел. Но наверху, возле синагоги, дом, где жила русская семья, разрушен, горят ближние улицы. Мама вспомнила свой сон и предчувствия последних дней... Немного опомнившись и придя в себя, она приняла решение.

– Нельзя здесь оставаться, Абраша. Пойдём к отцу! – сказала она папе. – Там решим, что делать.

Папе ничего не оставалось, кроме как согласиться. Домой, на Вербовую, мы уже не вернулись. Прямо из оврага, в обход, с тем жалким узелком, который мама успела собрать в последние минуты перед бегством, мы отправились к дедушке в Сельцы, не подумав в панике, что идём прямо в сторону фронта.

III. К дедушке

Сельцы расположены в десяти километрах к юго-западу от Могилёва по обеим сторонам трассы Могилёв-Бобруйск. Своё название местечко получило от слова “селение”. Вся его земля входила в состав колхоза имени Ворошилова. Подавляющее население местечка было еврейским, занималось земледелием, а также промыслами, в основном извозом.

Мы отправились в Сельцы пешком, по шоссе от центра города. Проходя мимо любимого парка на валу, вспомнили, что всего несколько дней назад были здесь, слушали музыку, стоя наверху на смотровой площадке, любовались красотой Днепра и этим зелёным морем старых высоченных деревьев с пышными раскидистыми кронами... Всего несколько дней назад были мир, покой, радость, безоблачное счастье. А сегодня мы бежим, покинув свой дом, растерянные, напуганные, не зная, что нас ждёт в пути...

За парком по обе стороны шоссе расположены жилые районы, потом начинаются территории заводов одного, другого, третьего... Дальше, за городом, поля по обе стороны шоссе. После – посёлок Буйничи на пути, дальше полкилометра дороги проходит возле леса, и за ним Сельцы. Все десять километров пути наш маленький братик, конечно, не мог пройти сам; то маме, то папе приходилось нести его на руках.

Собравшись к дедушке, мы даже не подумали прежде за-

глядеть домой, взять хоть какие-то вещи. Лёгкая одежда, которая была на нас в минуту бегства в овраг, уже не защищала от прохладного ветра, так как дело было к вечеру. Мы шли, плохо понимая, что делаем, думая лишь о том, что чудом избежали смерти, что мы вместе, целы и невредимы. Вновь и вновь нам слышался рёв самолёта и страшный взрыв, унесший жизнь целой семьи. Мы боялись повторной бомбёжки, особенно страшно было идти почти два километра через поля, где ни укрыться, ни спрятаться. Но всё было тихо. Десять километров мы отшагали без приключений. К вечеру добрались до Сельцов.

Увидев нас, дедушка обрадовался, кинулся всех обнимать:

– Живы! Барух аШем, живы! Молодцы, что пришли! Что с нами было, когда мы узнали, что Могилёв бомбили! Если бы вы не пришли, я бы завтра сам к вам отправился! А как Гися? Хана? Дети? Где они? Что с ними? Их не было с вами? Вы их не видели?

– Не знаю, папа, ничего не знаю. Нам сообщили, что летят самолёты и надо бежать в большой овраг. Мы побежали. Едва успели лечь на землю, полетели бомбы. Прямо над нашими головами самолёт пролетел. В овраге столько людей было! Они, видимо, туда хотели бомбу сбросить, не рассчитали, и она чуть в сторону попала, в дом на нашей улице. Дом возле синагоги. Я знаю эту семью... Сгорели в огне... Нам с оврага было видно пламя. На долю секунды раньше упади

эта бомба, нас бы уже не было. Столько людей погибло бы!

– А ваш дом? – спросила тётя Зелда, – ваш дом цел?

– Наш цел, – ответил папа. – Пока цел.

– Не думай о плохом!

– Ладно, – сказал дедушка, – успеем ещё обо всём подумать. Надо вас пока разместить. Зелда, что у нас с постелью? Найдётся для всех?

Зелда пожала плечами. Лишней постели на пять человек у неё не было.

– Придумаем что-нибудь, – сказала она. – Как же вы так ничего с собой не взяли?

– Не до того было. Взяла, что успела, вот... – мама развязала узелок и стала доставать нехитрые пожитки, которые в спешке успела схватить. В узелке оказались два красивых отреза из тех запасов, что хранились у мамы, по одной смене белья каждому, документы и... грамоты мои и Гилины. Те самые почётные грамоты с портретами Ленина и Сталина, что мы с братом исправно получали каждый год, грамоты, которыми наша мама так гордилась, и которые так бережно хранила в своей шкатулке.

– А это что такое? – удивлённо спросил дедушка, указывая на грамоты. – Это вместо одежды, вещей необходимых, ты спасала бумажки?

Мама посмотрела на дедушку так, будто он сказал нечто кощунственное. Крайне удивлённая и поражённая его словами, она воскликнула:

– А что я должна была делать? Оставить их дома? Чтобы фашистам достались портреты Ленина и Сталина?!

Что можно было возразить на эти слова, полные слепой, беззаветной веры? Дедушка даже не попытался.

Увидев, что устроить нам нормальный ночлег будет практически невозможно, дедушка решил ехать в Могилёв на Вербовую за нашими вещами и постелью.

Поскольку в местечке его очень уважали, ему не составило труда организовать подводу. На ночь глядя, мы не пустили его ехать, убедив, что как-нибудь переночуем одну ночь. Алика, после долгих уговоров, уложили вместе с Мишей. Слезы, капризы, частые смены настроения и внезапные припадки – это то, что явилось следствием нервного потрясения от увиденного им в овраге во время бомбёжки. Маме стоило больших трудов успокоить его и уложить спать. Мы с Гилей прикорнули на диване. Родители же полночи провели в разговорах и обсуждении дальнейших действий. Какой уж тут сон, несмотря на усталость и пережитое волнение!

Рано утром, как только рассвело, дедушка запряг телегу и отправился в Могилёв за нашими вещами. Мама ему подробно объяснила, где что лежит, и что из постели и одежды надо привезти. Папа хотел поехать с дедом, но мама стала упрашивать его не делать этого. Тётя Зелда присоединилась к её словам, умоляя брата не ехать. Напора жены и сестры отец не выдержал и остался с нами.

Как быть? Что делать? Вопросы эти оставались без ответа.

Папа твердил о возвращении в Могилёв, куда его призывал долг. Он только хотел нас устроить и убедиться, что мы все в безопасности. Хотя, какая уж тут безопасность! Все понимали, что в данный момент это просто утопия. Мама и слышать не хотела о том, что придётся расстаться. Тётя Зелда предложила всем остаться в Сельцах. Брата тоже не хотела отпускать. “Вместе легче беду пережить” – сказала она. Так они втроём сидели, говорили, решали, пытаясь найти выход там, где его не было. Мы, дети, молча слушали, стараясь угадать, какое же решение примут родители. Тут маленький Миша, который стоял в сторонке и внимательно прислушивался к разговору взрослых, подошёл к нашей маме, обнял её и сказал:

– Оставайтесь все у нас! А если немцы придут, мы сможем в лесу спрятаться.

Мне показалось, что все, кто был в комнате, похолодели, услышав слова семилетнего ребёнка. Он сказал то, что никто не осмеливался произнести вслух, будто боясь, что дьявол услышит роковые слова и в точности их исполнит. Все об этом думали, но ни у кого не поворачивался язык сказать: “А если немцы придут...”

IV. Решение мамы

Обронённые Мишей слова, повисли в воздухе. Никто не отважился продолжить затронутую мальчиком ужасную тему. В тяжёлом молчании прошло несколько минут. О чём думали все и каждый, не трудно догадаться. А я вдруг подумала, каково должно быть нашим родителям в это жуткое время? Ведь на них лежит ответственность не только за свою собственную жизнь, но и за наши жизни. Не хотела бы я оказаться на их месте...

Молчание нарушила тётя Зелда. Подойдя к окну и глянув на улицу, она в тревоге сказала:

– Где же Исаак?

Уже два часа как дед должен был вернуться! Часы давно пробили полдень. Мы все ужасно волновались за дедушку, считали минуты до его возвращения. Больше всего боялись, чтобы бомбёжка не застала его по дороге; телега, гружённая добром, одиноко бредущая по дороге, не приведи господь, представляет собой отличную мишень. Мама уже сто раз пожалела о том, что мы отпустили деда.

– Может, случилось что? Где он так долго? – волновалась Зелда.

Но вскоре, словно он только и ждал слов жены, дедушка появился на дороге с подводой, полной нашего “добра”.

Мы все вышли, чтобы помочь разгрузить телегу. Там

оказались подушки, перины, постельное бельё, кое-какая утварь, целый мешок одежды, еще мешок с чем-то. Разбирая вещи, Гиля пожал плечами и проворчал:

– И стоило за этим барахлом тащиться десять километров туда и обратно, рискуя попасть под бомбы!

– Постель и одежда – это не барахло, – возразила я брату, – мама просила дедушку привезти только самое необходимое.

– Да ладно! Рисковать ради тряпок! Понимаю, в бой идти, немцев душить, танки их подрывать, бомбить их, как они нас, пробраться к ним разведчиком... Мало ли что! Но рисковать жизнью ради подушек и кастрюль!

– Нет, конечно, ради подушек не стоит! – согласилась я.

Дедушка рассказал нам, как съездил. Сказал, что виделся с Ханой и Гисей. Они живы-здоровы. Мальчиков – Хаима, Гидика и Борю – забрали на фронт. Да хранит их Бог! Мама спросила, не слышали ли сёстры что-нибудь о Гитл? Есть ли связь с ней? Нет, сокрушённо отвечал дедушка, никто ничего о ней не знает. Он сам очень тревожится за неё и малышей. Узнать что-то можно только съездив в Быхов, за тридцать пять километров отсюда, а сейчас ехать туда невозможно: немец наступает, и пускаться в такой путь очень опасно, да и все дороги уже, наверное, перекрыты... Мы со щемлящим сердцем слушали рассказ деда. Потеря всякой связи с любимой тётёй сильно беспокоила и надрывала сердце. Ощущение бессилия что-либо сделать или изменить сводило с ума...

Остаток этого дня прошёл в хлопотах по поводу нашего обустройства. Для дедушки, опечаленного отсутствием известий о Гитл, наше присутствие в доме было как бальзам на душу. “Для всех место найдётся” – говорил дед. Тётя Зелда устроила нас в отдельной комнате, освободила нам шкаф для постели и вещей, выполняя долг гостеприимства, потеснила своих детей, чтобы выделить нам лишнюю кровать.

Рано утром следующего дня я проснулась от того, что сквозь сон мне смутно послышался чей-то плач, и до сознания эхом донеслись слова: “Что я наделала?!”

Открыв глаза и окончательно прогнав сон, я увидела маму, сидящую на кровати рядом с папой; схватившись руками за голову, она вновь и вновь повторяла:

– Что я наделала! Что я наделала! Как я не подумала! Как я могла сделать такую глупость!

– Мы все были в шоке, не понимали, что делали, – пытался её успокоить папа.

Но мама не слушала его. Она продолжала сокрушённо качать головой. Наконец, приняв решение, она подняла голову и сказала:

– Мы здесь не останемся. Надо уходить отсюда.

– Ты хочешь, вернуться домой?

– Нет, не домой. Надо совсем уходить, уезжать отсюда как можно дальше. Сегодня же!

Мама встала и в самом деле начала собираться. Папа растерянно посмотрел на неё и проговорил:

– А как же, Леночка... отец...

Мама повернулась к нему, в её красивых тёмных глазах сверкнула решимость. И она сказала твёрдо:

– Здесь нельзя оставаться. Я не хочу увидеть, как у меня на глазах будут убивать моих детей.

Дедушка, узнав о решении мамы, не стал ей возражать и уговаривать остаться. Он только тяжело вздохнул и, печально взглянув на неё, сказал:

– Моя дочка уже взрослая. Я не имею права ей указывать, как поступать. Если ты считаешь, что это для вас будет лучше, что это правильно, делай, как знаешь. Бог вас сохранит, где бы вы ни были.

Мы недолго собирались. Мама сложила и убрала в шкаф нашу постель и вещи, которые дедушка привёз, прибрала в комнате и велела нам с Гилей собраться. Сама одела Алика, выдержав все его капризы, – он ещё не оправился от нервного потрясения, взяла тот же самый узелок, с которым мы пришли к деду, не подумав добавить в него хоть какие-нибудь вещи, и мы вышли прощаться.

Мама в волнении обняла деда и, с надеждой глядя ему в глаза, спросила:

– А может, вы тоже с нами поедете? Зачем вам здесь оставаться? Бог знает, что может случиться! Поедем с нами!

– Куда мне уже ехать, Лена! Тут всё бросить...

– Папа, да бог с ним, со всем добром, с домом! Зелда,

подумай о детях, поехали бы все вместе!

– Нет, Лена, – покачала головой тётя Зелда, – не просто это...

– Папа, а если, не дай бог, немцы... Что с детьми будет? – не унималась мама.

Дети, все трое, – Малка, Эстер и Миша – стояли тут же, рядом с нами. Они, как и мы с Гилей, молча смотрели на то, как прощаются взрослые. Их мать плакала, обнимая своего брата, отец прощался с их старшей сестрой. Я уверена, что все мы думали лишь об одном: “Суждено ли нам ещё встретиться?”

– Будет только то, что должно быть... “Обратится злой замысел, который он задумал на иудеев, на голову его”². Храни вас Бог! – сказал дедушка. Это были его последние слова. Ещё раз обняв нас и поцеловав, он начал читать молитву.

V. Поезд

Итак, оставив все вещи, привезённые дедушкой, не взяв с собой ничего, кроме того же скромного узелка, мы отправились назад в Могилёв, чтобы сесть в поезд, идущий на восток страны, подальше от линии фронта, которая с каждым днём и часом всё ближе и ближе подходила к нашему городу.

Маме не удалось убедить семью дедушки пойти с нами.

² Слова из Свитка Эстер, который евреи читают в Пурим.

Также ей не удалось уговорить тётю Зелду доверить нам хотя бы маленького Мишу. Простившись с ними, мы двинулись в обратный путь по той же дороге, по которой два дня назад пришли в Сельцы. Для того чтобы попасть на нужную нам железнодорожную станцию, мы должны были, вернувшись в город, пройти через центр, выйти на Пионерскую, и уже оттуда по Ленинской добраться до вокзала.

Всю дорогу до города сцена прощания стояла у меня перед глазами. Я видела деда Исаака, который стоял возле калитки дома, рядом с женой и тремя детьми. В глазах у них стояли невыплаканные слёзы. Дедушка читал молитву, а Миша долго махал нам рукой, пока мы не скрылись из виду.

– Папа, а что дедушка говорил на иврите? Он молился?

Отец тяжело вздохнул и ответил:

– Дедушка прочитал благословение... Да, он молился за нас. Он всегда будет молиться за нас.

Папин голос задрожал. Он очень любил своего тестя и шурина. Мама молчала, только тихие слёзы изредка капали из глаз. Всеобщее молчание нарушал только Алик, да время от времени отвечавший ему Гиля.

Домой на Вербовую улицу мы так и не зашли. Спешили прямо на вокзал. Но проходя по Пионерской не могли не заглянуть к тётё Гисе. Мама боялась, что мы её не застанем, и она не сможет попрощаться со старшей сестрой. Но нам повезло – тётя оказалась дома. Она была одна с дочерьми; сыновья уже были на фронте. Лиза и Маня кинулись нас обни-

мать, целовать маму. Тётя рассказала, что виделась с Ханой, но от Гитл по-прежнему нет никаких вестей. По радио ежедневно тревожные сообщения, немцы всё ближе к Могилёву; каждый день тысячи жителей города работают на строительстве оборонительных сооружений... Мама спросила сестру, не собираются ли они уезжать из города. Гися сказала, что они думали об этом, но ещё подождут, посмотрят по ситуации. Мы пробыли у них не больше часа. Сегодня же надо было успеть на поезд. Снова начались прощания, слёзы, боль...

От тётиного дома до вокзала нам нужно было отшагать ещё два километра по Пионерской, и затем по Ленинской улице. Уставшие, порядком проголодавшиеся, хотя тётя и накормила нас, чем смогла, мы шли по улицам родного города, движимые лишь одним желанием – поскорее сесть в поезд. Нам оставалось свернуть в последний переулок, как вдруг завывла сирена – сигнал воздушной тревоги. И почти сразу послышался рёв моторов. Куда бежать, мы не знали. Люди вокруг поспешили в укрытие, мы попытались бежать за ними. Но... какое укрытие, когда самолёт над головой? Поздно. Мы просто упали на тротуар. Зловещий рокот мотора и вой сирены слились в единый наводящий ужас адский звук. На всю жизнь звук летящего самолёта остался для меня символом кошмара. Я не могу слышать его и не вздрагивать при этом, каждый раз вновь возвращаясь в те дни, когда моя семья бежала под немецкими бомбами.

Раздался взрыв. Нам показалось, что бомба попала в зда-

ние, возле которого мы были, и сейчас обломки полетят прямо на нас. А рядом находилось здание завода, и рукой подать до вокзала. Видимо, одно из этих мест и было целью фашистов. “Вокзал!.. Туда бомба попала!.. На станцию метили! Верно, поезд взорвали, гады! Не уедем теперь!” – слышалось со всех сторон. Народ побежал на станцию. Оказалось, что бомба, по воле случая, упала на пустырь, метрах в семидесяти-восемидесяти от железнодорожных путей, почти не причинив вреда.

Между тем, поезд, стоящий на станции, был уже готов к отправке. Нам предстояло ехать в товарных вагонах. Но после всего пережитого, это была такая мелочь! Толпа повалила в вагоны. И тут папа нам объявляет, что не может ехать с нами. Долг призывает его вернуться на службу. Он только хочет увидеть, как мы сядем в поезд. Мама стала убеждать его:

– Да брось ты! Садись, поезжай с нами! Ничего тебе за это не будет! Война ведь! Да и кто тебя искать станет?

– Вот именно потому, что война, я должен остаться...

– Абраша, ну куда я с детьми одна? Мы же пропадём без тебя!

Отец посмотрел на нас. Вероятно, во взгляде наших глаз, с мольбой смотрящих на него, папа увидел нечто такое, что заставило его принять решение ехать с нами. Взяв на руки Алика и велев нам не отставать, папа пошёл к поезду.

Возле вагона было не протолкнуться. Люди садились в по-

езд, кто с чемоданом, кто с сумкой или большим узлом; на многих было надето по нескольку кофт, одна поверх другой. На нас поглядывали удивлённо и сочувственно: отсутствие багажа и тёплых вещей вызывало жалость. В скоплении людей мы рисковали быть оторванными друг от друга. Если бы папа не держал меня крепко за руку, я сама не смогла бы подняться в вагон. И вдруг мы услышали мамин крик:

– Мой узелок!!! Я уронила узелок! Помогите, кто-нибудь, ради бога! Это всё, что у меня осталось от дома!

Этот маленький узелок-путешественник, наше единственное имущество, выскользнув из маминых рук, упал под поезд. Мама последняя из нас поднималась в вагон и уронила узелок в тот момент, когда передавала папе Алика. Этот упавший на рельсы узелок оказался последней каплей, – мама не выдержала и разрыдалась.

– Женщина, держите ваш узелок! – услышали мы.

Какой-то парнишка, сжалившись, полез под поезд и достал его.

– Спасибо, спасибо вам! – говорила мама, вытирая слёзы, которые, найдя себе выход, уже не хотели прекращаться.

Наконец, посадка была закончена, двери вагона задвинуты. Эшелон тронулся.

С того самого момента, как мы услышали по радио сообщение Молотова о вторжении германских войск, всё, что происходило, было ужасно: бегство в овраг, поход в Сельцы и обратно, прощание с родными, наконец, последняя бом-

бёжка. Я делала, что мне велели, шла, бежала, падала на землю... но поверить в реальность происходящего не могла. Я не могла постичь всего ужаса этой действительности, мозг тринадцатилетней девочки не способен был осмыслить того, что творится вокруг. Но теперь я поняла. В тот момент, когда эшелон тронулся с места, я осознала, что покидаю родной город, что оставляю дом, где я родилась, где родились мои братья, где были счастливы мои родители. И этот дом, где прошло наше детство, мы, возможно, уже не увидим. В полутьме вагона не видны были мои слёзы, я могла не скрывать их. Я закрыла глаза, и под стук колёс, картины прошлой жизни, как в калейдоскопе, пронеслись передо мной.

Я увидела наш дом... огород перед домом... пугало возле калитки... Гиля завязывает ему галстук и, довольный, любитесь своим творением... Я увидела себя, прыгающей в классики, играющей с Итой в куклы у неё дома... Её кукольная мебель, приводящая меня в восторг... Вот мы бегаем по оврагам, плещемся в речке... А вот в начале Вербовой улицы появляется папа с коробкой пирожных в руках, и мы, радостные, бежим ему на встречу. Ещё я вспомнила любимую тётю Гитл, наши прогулки по городу. Вспомнила, как мы с мамой ходили кататься на каруселях, как с папой гуляли по Первомайской и ели мороженое... И много, много других, таких же обыденных, но таких дорогих сердцу, счастливых мгновений. Всё это было совсем недавно, недели не прошло с рокового дня. А сегодня нас, как скот, в товарных вагонах

гнали вглубь России на Урал, в далёкий Челябинск.

Мы сидели на полу вагона в жаре и духоте, без хлеба, без воды.

– Есть хочется, – устало прошептала я сидящему рядом брату.

– Что же ты у тёти ничего не поела, – вздохнув, отозвалась Гиля. – Как маленькую надо было уговаривать. Знала же, какой путь предстоит.

– Не могу есть, когда на душе кошки скребут.

– На, держи, – Гиля протянул мне два сухаря – последние, что оставались в мешочке, который всунула нам при расставании тётя Зелда.

Родители ехали молча. Мама, измученная всем пережитым, прислонившись к папиному плечу, прижимала к себе спящего Алика.

Должно быть, мы отъехали уже далеко от Могилёва. Примерно через три часа поезд прибыл в Кричев – городок на востоке Могилёвской области.

VI. Снова вместе

Кричев в то время был небольшим городком на востоке Белоруссии недалеко от границы с Россией. Здесь эшелон остановился и нам объявили о пятнадцатиминутной стоянке. Мы вышли из поезда, чтобы подышать свежим воздухом и выпить воды. Люди старались не отходить далеко от своего вагона, чтобы не потерять его из виду.

Папа помог нам спуститься с поезда и, убедившись, что мы хотя бы попили воды и нас больше не мучает жажда, сказал маме:

– Лена, постой с детьми, я схожу, куплю вам поесть. Дети голодные.

– Минут через десять поезд отходит...

– Я успею, – сказал папа и побежал разузнать, где достать что-нибудь съестное.

Маме не удалось удержать отца. Прежде, чем она успела опомниться, папа скрылся из виду. Мама осталась с нами одна возле поезда, куда уже возвращались пассажиры, поскольку время стоянки истекало. Мы тоже поднялись в вагон в надежде, что папа вот-вот появится. С каждой минутой росло мамино беспокойство. Десять минут истекли, а папы всё не было. Уже стали закрывать двери вагонов. Мы поняли, что папа не успеет на поезд, и уже хотели было сойти, но не успели: дверь вагона задвинули, и через минуту эшелон

тронулся.

Ужасная ситуация – потерять в пути близкого человека, который, отстав от поезда, остался совсем один, а ты удаляешься от него на этом поезде всё дальше и дальше. А что должен был испытать отец, видя, как поезд уносит вдаль его семью?

Вначале мама растерялась, потом, поняв ужас ситуации, разрыдалась. Мы с Аликом последовали её примеру. Один Гиля ещё способный рассуждать здраво, глядя на наши рыдания, не выдержал и сказал:

– Ну, зачем слёзы лить? Можно же на следующей остановке сойти и там папу дождаться. Он ведь наверняка пойдёт следом за поездом.

– И правда, милая, чего реветь? Послушай сына, – вмешалась наша соседка по вагону, пожилая женщина, примостившаяся тут же рядом с нами возле стенки вагона, недалеко от входа. Она ехала с мужем и двумя дочерьми из Березина, что в ста километрах от Минска. Её троих сыновей забрали на фронт в первый же день войны. Когда началась бомбёжка, они очень испугались и, недолго думая, слава Богу, бросили всё и побежали. Слышали, что Минск бомбили непрерывно, дороги там перекрыты, люди уже даже не могут уйти из столицы. Поэтому они решились бежать, пока есть хоть какая-то возможность уйти. До Могилёва шли пешком. По дороге их бомбили. Она сама не понимает, как им удалось остаться в живых. Всё это женщина рассказала нам, пока мы

ехали, и мама, выслушав её, тихо сказала:

– О чужой беде узнаешь, своя легче становится. Я ещё очень счастливая: все мои дети со мной.

Взяв себя в руки, мама поняла, что Гиля прав. Признав логичность его слов, мы успокоились и стали с нетерпением ждать следующей остановки. К счастью, дожидаться пришлось недолго. Через несколько километров, в ближайшем селе, эшелон остановился, чтобы пропустить какой-то состав. Мы воспользовались этим, чтобы сойти с поезда.

– Будь, что будет, – сказала мама, – подождём. Если суждено будет уехать, уедем вместе.

Мы присели на перроне и стали ждать. Что ещё мы могли сделать? День клонился к вечеру. Медленно сгущались поздние июньские сумерки. Становилось прохладно. Мы просидели уже часа два, молча ожидая чуда. И оно свершилось. Я сидела лицом к дороге, откуда мы ждали папу, и первая увидела знакомый силуэт. В сумерках трудно было разглядеть человека, и сердцем я узнала его раньше, чем глазами.

– Папа! – закричала я и, вскочив, бросилась ему навстречу. Братья, опомнившись, последовали моему примеру.

– Моя девочка! – подхватил меня папа. Подбежали Гиля с Аликом за своей долей поцелуев. К нам присоединилась мама и, наконец, все вместе мы сели на платформе ждать следующего эшелона. К счастью, ждали мы недолго. В дни первой волны эвакуации старались вывезти как можно больше

людей, пока это было возможно, поэтому эшелоны отправлялись с максимальной частотой. Уже через полчаса мы снова сидели в товарном вагоне поезда, но этот эшелон шёл в Троицк.

VII. Прибытие

Наше дальнейшее путешествие во втором эшелоне прошло без приключений, если не считать семидневной тряски в товарном вагоне, где сидели прямо на голом полу. Наслушавшись рассказов соседей по вагону, бежавших из Могилёва и других мест, откуда ещё можно было убежать, мы вновь и вновь благодарили судьбу за то, что живы и за то, что мы вместе. Семь дней мы колесили по России. Города, леса, озёра – казалось, им не будет конца. Мы выехали из Могилёва двадцать восьмого июня, а утром шестого июля наш эшелон прибыл в Троицк. Люди уставшие, измученные выходили из поезда, не веря, что это конец пути.

Троицк – город на юго-востоке Челябинской области, на границе с Казахстаном. Город расположен на месте слияния рек Уй и Увелька, которые в черте города сильно расширены, отчего одна часть города оказывается на полуострове, омываемом двумя реками. Безупречно ровные улицы Троицка делят город на такие правильные квадраты, что кажется, будто их линейкой чертили. После витиеватых улиц Могилёва это было странно и непривычно.

На вокзале был организован пункт приёма, где вновь прибывших регистрировали и распределяли по районам, кого в общежития, кого на подселение к местным жителям. Нас определили в русскую семью Столбовых. В сопровождении

милиционера мы прямо с вокзала отправились в ту часть города, что расположена на полуострове. Шли по улицам, шатаясь, как пьяные: мы всё ещё ощущали себя в тряском вагоне.

Гиля, с его обычной наблюдательностью, единственный из нас всех заметил, с какой математической точностью расположены улицы, по которым мы шли. Остальным было не до этого. Перспектива жить с чужими, незнакомыми людьми под одной крышей не сильно радовала... Шли мы довольно долго. Наконец, свернули на улицу Климова.

Милиционер указал нам на дом, мы поднялись вслед за ним по лестнице на второй этаж. Возле двери одной из квартир он остановился и позвонил. Дверь открыла высокая, крупная дама в ярком халате и в бигуди на светлых волосах.

– Гражданка Столбова? – спросил милиционер.

– Да, – ответила дама, – а в чём дело, гражданин начальник?

– В связи с большим количеством эвакуируемых граждан руководство города приняло решение о размещении части из них в домах местных жителей. Вот, держите предписание, ознакомьтесь, – и милиционер, не давая даме опомниться, протянул ей бумажку с подписью. – Вот, принимайте жильцов, гражданка Столбова. Проходите, граждане.

Гражданка Столбова слегка опешила, увидев такую ораву в своей квартире.

– Гражданин начальник! Ну, вы бы хотя бы предупреди-

ли! – воскликнула дама.

– Нет времени, гражданка, на предупреждения! Разместайте людей! – сказал милиционер и вышел, оставив нас с хозяйкой.

Крайне неприятно чувствовать себя навязанным кому-то, кто совсем не в восторге от твоего присутствия, и с превеликим удовольствием избавился бы от тебя, если бы только мог. Именно это мы чувствовали, стоя в передней Столбовых. Не зная, как быть, отец сконфуженно произнёс:

– Простите нас...

– Да что мне вас прощать! – отмахнулась женщина в бигуди. И помолчав, добавила, – ну, давайте знакомиться. Меня зовут Любовь Николаевна. Мужа моего – Павел Васильевич, его сейчас нет... Вас как называть?

– Моё имя Залман, – представился папа. – Моя жена Лена, дети: Гиля, Лиза и Илья.

– Ясно, – молвила Любовь Николаевна, смерив нас взглядом. – Ну, что же, пойдёмте! Подумаю, куда вас пристроить.

Мы проследовали за хозяйкой из прихожей в небольшую гостиную.

– Значит, так, – со вздохом оглядев нас, сказала Любовь Николаевна, – жить вы будете тут, другой комнаты у меня для вас нет. Вот здесь поставлю вам ширму. Сюда можно занавеску вместо двери. Могу дать две раскладушки. Если у вас есть деньги, можете сходить на рынок, найдёте там, я думаю, и раскладушки, и постель – люди сейчас всё продают.

Вещей, я вижу, у вас и нет совсем?

– Только то, что на нас...

– Ну, значит, этого сундука вам с лихвой хватит... Пойдём со мной, мальчик, – обратилась она к Гиле, – поможешь мне достать раскладушки из чулана.

Раскладушки были принесены, ширма поставлена, импровизированная дверь повешена. Отец, взяв в помощь Гилю, отправился в город на рынок, чтобы купить самое необходимое. Мы с мамой, уставшие, измученные долгой дорогой, остались разбирать наш единственный узелок, что заняло не более пяти минут. Потом мама усадила нас с Аликом рядом с собой, обняла, и так мы долго просидели молча, пытаясь осмыслить всё, что с нами произошло...

Мы кое-как устроились в том углу, который нам выделили Столбовы. Папе удалось достать ещё одну раскладушку, пару одеял и подушек. Убегая из дома, мама схватила, конечно, не только грамоты с портретами Ленина и Сталина. Она, к счастью, успела взять и деньги, что были припасены на чёрный день. Мы смогли купить немного самых необходимых вещей.

Муж хозяйки, Павел Васильевич Столбов, конечно, не пришёл в восторг, увидев поселенцев в своей квартире. Вообще, он оказался довольно странной личностью. Гражданин, которому не было и сорока лет, вместо того, чтобы с оружием в руках защищать свою родину от врага, как это

делали миллионы мужчин его возраста, занимался охраной какого-то магазина. Как этому довольно здоровому, упитанному человеку удалось достать бронь, мы, конечно не знали. Как сказал отец: “Нас это не касается и нечего лезть не в своё дело”.

Помню, в тот первый вечер нашего пребывания в доме Столбовых, мама, оглядев более чем убогую обстановку того угла, где нам предстояло жить неизвестно сколько времени, села и, уронив лицо в ладони, расплакалась. Я знала, о чём она думает. От тех же мыслей и у меня ком к горлу подступал. Я не знала, что сказать и как её утешить. А Гиля подошёл к ней, сел рядом, обнял и сказал:

– Мама, не надо, не плачь. Зато мы все вместе.

Мама посмотрела на нас, оглядела одного за другим, обняла Алика, который тихо пролез ей под крыло, и сказала:

– Да, мы вместе... Благословен Господь, спасший жизнь моих детей, как спас Он свой народ, выведя его из Египта...

Не припомню, чтобы раньше мы слышали от мамы подобных слов. Но сейчас она взяла у папы маленький молитвенник, который подарил ему дедушка при расставании, и, отвернувшись, стала тихо читать молитву.

VIII. Голод

Страшное лето 1941 года, когда мы, как и многие сотни тысяч граждан, потеряли родной дом, связь с близкими, оказались вдали от всех и вся, у чужих людей, в тяжелых условиях, в которых наша семья должна была выживать, – это лето стало для страны крайне сложным и очень болезненным периодом. Враг стремительно продвигался по территории СССР. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, к концу 1941 года под немецко-фашистской оккупацией оказались Белоруссия, Украина, Молдавия, Прибалтика, значительная часть России. В начале осени началась блокада Ленинграда. А седьмого ноября по радио транслировался репортаж о параде советских войск на Красной площади в Москве, – тот самый парад, откуда войска шли прямо на фронт, находившийся уже в десятках километров от столицы.

На фронтах шли бои, а в тылу люди обязаны были выживать, работать и учиться. В тылу была другая война, другие битвы и другой страшный враг – голод, воевать с которым приходилось ежедневно, ежечасно. А кроме голода было ещё отчаяние. И всеми силами нужно было стараться не позволить этому отчаянию овладеть тобой. Сохранять надежду в то время, когда пуст желудок – нелёгкое испытание. И всё-таки мы верили, что война закончится и мы вернёмся домой.

Сразу по приезде в Троицк родители устроились работать на завод. Алика определили в детский сад. А первого сентября, как положено, мы с Гилей пошли в школу. Он, к тому же, пошёл работать слесарем в мастерские Воинской части. Я поступила в шестой класс в девятую школу на улице Красноармейской, возле городского парка. Это была школа-семилетка. А поскольку мой брат окончил семь классов в Могилёве, то в восьмой класс он пошёл в школу № 13, которая находилась тут же, рядом, возле парка. После уроков, в том случае если они заканчивались в одно время, мы вместе возвращались домой. А потом Гиля шёл на работу.

Все домашние дела лежали на нас с братом. Родители работали по многу часов, приходили поздно – часто тогда, когда мы уже спали. На заводе они получали продуктовые карточки на себя и на нас. По карточкам выдавались мясо – 500 грамм на месяц, крупы – 800 грамм, жиры, сахар – по 200 грамм... Норма на детей была ещё меньше. И на этих мизерных пайках люди должны были выживать. Карточки берегли, как зеницу ока – в случае утраты они не возобновлялись.

Голод преследовал нас постоянно. Дневной нормы продуктов было не достаточно. Мысли о еде не давали покоя. Как о манне небесной, мечтали мы о сдобной булке и настоящем чае с вишнёвым вареньем! Так же дразнила наше воображение хрустящая корочка свежевыпеченного хлеба. Ну, или на худой конец, просто лишний кусочек хлеба сверх той

смехотворной нормы, что выдавалась нам в день. Не знаю, что бы с нами было, если бы мама не додумалась вовремя купить мешок картошки и в очередной раз благодаря своей интуиции спасти свою семью. Только благодаря этой картошке мы смогли пережить ту первую суровую военную зиму.

Приходя со школы, мы с братом дружно усаживались чистить картошку. Алик, примостившись рядом, наблюдал за нами и считал картофелины.

Помню, как-то зимой принялись мы с Гилей за привычное дело, отсчитав несколько клубней на ужин – нашу обычную дневную норму.

– Я хочу вот эту большую, – сказал Алик.

– Самая большая для папы, – ответил ему старший брат, – хватит с тебя и маленькой, ты же обедал в детском саду?

– Я не обедал, – заплакал Алик.

– Как не обедал? Почему? – удивилась я.

– Мне не дали!

Мы с Гилей переглянулись, не зная, что сказать. Брат встал, открыл сундук, достал из маминых “запасов”, которые ей каким-то чудом удалось собрать, два сухаря и протянул их Алику.

IX. Столбов

О положении на фронтах каждый день сообщалось по радио. Особенно тревожные новости в сорок первом и в начале сорок второго года, когда сообщалось об отступлении Красной Армии на восток, мы слушали с тяжёлым сердцем. Помню, в каком напряжении следили за сообщениями об обороне Москвы, и весть о том, что советские войска отстояли столицу, заставила усомниться в непобедимости немецкой армии. Это была первая крупная победа в той войне.

Однако ещё не утратившие преимущество войска Вермахта продолжали наступление. С сообщениями о захвате фашистами очередного города, о тяжёлых боях и новых потерях на фронтах, по радио передавали песни, рождённые болью, страданием, непоколебимой верой и безграничной любовью. Начиная с осени сорок первого года ежедневно, после боя кремлёвских курантов, звучала по радио главная песня Великой Отечественной войны, с первыми аккордами которой идёт мороз по коже. Каждое утро начиналось со “Священной войны”:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная

Вскипает, как волна!
Идет война народная,
Священная война.

Была ещё одна песня, которая трогала до глубины души. Это “Вечер на рейде”. Слова: “Прощай, любимый город”, понятные всем, кому приходилось покидать родину, невозможно было слушать без слёз. Однако подобные чувства испытывали, увы, не все. Не кто иной, как хозяин квартиры Столбов напевал эту песню с довольно-таки весёлым видом, уж не знаю, как ему это удавалось.

Моя неприязнь к этому человеку росла с каждым днём. Было в нём что-то крайне неприятное, в его слащавой улыбке, в маленьких хомячьих глазках. Я называла его “предателем”. Разумеется, про себя, ведь нельзя обвинять человека в предательстве только за то, что он весело напевает песню, которая других заставляет плакать. Это, конечно, не является прямым доказательством измены родине, но за косвенное вполне сойдёт. Но было в нём что-то ещё, чего я не могла объяснить даже себе самой. Что-то было недоброе. Оно не проявлялось в словах или поступках, но сквозило во взгляде, в неосторожном жесте, оно ощущалось, это зло, исходившее от него. Я боялась его. Когда ни родителей, ни Гили не было дома, я сидела тихо, боясь шевельнуться. Мне казалось, что этот человек может зайти и убить меня, а в нашем углу нет даже двери, которую можно было бы закрыть.

Однажды я пришла со школы раньше Гили: у него должен был быть ещё один урок. Родители были в это время, как всегда, на заводе. Любовь Николаевна вскоре объявила мужу, что ей надо на рынок и ушла. Тихо забившись в угол, я считала минуты до возвращения брата.

– Лизочка! Ну-ка подойди, помоги мне, – услышала я елеинный голос Столбова из соседней комнаты. Мне захотелось спрятаться в сундук; если бы он был чуть больше, я бы, наверно, так и сделала. Я сидела тихо, как мышь, боясь, что он войдёт сюда.

– Лиза! Ты идёшь?

“Может, под кровать залезть?” – совсем по-детски подумала я.

– Лиза, ты слышишь меня? – не унимался Столбов.

– В чём дело, Павел Васильевич? Может, я вам помогу?

“Гиля!”

Через щёлку в занавеске я увидела брата. Он вошел в гостиную неслышно и его появление, кажется, вызвало досаду хозяина.

– А ты что тут делаешь? – нахмурился Столбов, – ты должен быть в школе! Решил уроки прогулять?

– Так ведь уроки закончились, – ответил Гиля, пристально глядя ему в глаза. – А что вы хотели от моей сестры? Может, я могу помочь?

– Нет, парень, ты не можешь помочь, – буркнул Столбов. – Тут женская рука нужна.

– А Лизка причём? – усмехнулся Гиля, – она же девчонка – ей всего 14 лет. Какая из неё женщина?

Столбов не нашёлся, что возразить и, немного потоптавшись, вышел из комнаты, злой и явно разочарованный. Гиля проводил его таким взглядом, который я прежде никогда не замечала у своего брата. “Урод!” – злобно прошептал он вслед Павлу Васильевичу.

– Что он сказал тебе? – спросил меня Гиля.

– Ничего. Звал помочь.

– Что он хотел?

– Я не знаю.

– Зато я знаю, – пробормотал Гиля. И, помолчав, добавил, – больше не ходи домой одна. Меня будешь ждать возле школы, вместе домой будем идти, поняла?

– Поняла, – ответила я.

К счастью, во всей этой истории мой брат разобрался лучше, чем я, которая в силу своего невежества и наивности лишь интуитивно смогла почувствовать смутную угрозу, исходящую от этого человека.

Х. Уголь

Наступил 1943 год. Второго февраля пленением десятков тысяч вражеских солдат и офицеров, в том числе генерала Паулюса, завершилась Сталинградская битва, продолжавшаяся двести дней – с июля 1942 года. В это же время советские войска освободили Северный Кавказ.

Первые два года проведённые в эвакуации показались нам веком. В те месяцы, когда почти ежедневно нужно было выживать, борясь с голодом, лишениями, зимними морозами, при которых столбик термометра опускался иногда ниже сорока градусов, – в те дни время замедлило свой бег, бесконечная зима, казалось, никогда не закончится. Природа будто тоже вступила в войну.

После неприятного случая со Столбовым из школы мы с Гилей возвращались вместе. Если у одного из нас уроки заканчивались раньше, другой оставался ждать возле школы. И в магазин – отоваривать карточки, и по другим поручениям родителей мы ходили вместе. Гиля не оставлял меня одну, невольно сделавшись моим телохранителем. Но ни ему, ни мне это не было в тягость. Детская дружба с годами переросла в нежную и преданную братскую любовь.

Мой весёлый дружок и товарищ, с которым мы так часто носились по оврагам в родном Могилёве, хотя, случалось, и дрались, как все братья и сёстры с малой разницей в воз-

расте, мой любимый братик, которого я нередко поддерживала в его проделках, всегда довольная той ролью, которую он мне назначал, – Гиля никогда не давал мне скучать. Любая его затея казалась мне гениальной. Но это детство было украдено войной. Ворвавшись в нашу жизнь, она заставила мгновенно забыть о беспечных играх и повзрослеть раньше времени. Но всё то, что мы пережили: страх, опасность, голод, жизнь в доме у чужих людей, забота о младшем брате и друг о друге, все те трудности, которые легли на нас, с которыми мы должны были справляться вдвоём, без помощи родителей, работающих на заводе с утра до ночи, – всё это ещё сильнее сблизило нас с Гилей и укрепило нашу взаимную привязанность.

Из всех испытаний, выпавших на нашу долю в те годы, самыми тяжкими были зимние морозы. Чтобы хоть как-то согреться мы топили буржуйку, которую хозяева разрешили нам поставить в нашем углу. Печку топили углём, за которым один – два раза в месяц надо было идти на вокзал. За углём, как и по другим поручениям, тоже ходили мы с Гилей.

Взяв тележку, мы шли в другой конец города к вокзалу. Там, насыпав в неё несколько вёдер угля, мы тягали всё это через полгорода, от вокзала до дома. Гиля брался за ручки, я же толкала тележку сзади. Как нам, двум подросткам довольно хрупкого телосложения, хватало сил тянуть в такую даль эту доверху гружённую углём тележку, я до сих пор не могу понять. Мы делали то, что надо было, и это слово “на-

до” двигало нами, заставляя забыть и усталость, и голод, и делать то, что кроме нас сделать было больше никому. Выполняя свою долю работы, я старалась не отставать от брата, не жаловаться, как бы ни было тяжело. Но однажды, во время нашего очередного похода за углём, я не выдержала.

Мы прошли уже большую часть пути от вокзала, перешли мост и медленно брели по улицам идеально ровных кварталов островной части города. Толкать тележку становилось всё тяжелее. То ли груза в ней было больше, чем обычно, то ли у меня в тот день силы закончились раньше времени, но, вопреки данному себе самой обещанию не жаловаться и не показывать слабость, я не сдержалась и заплакала. Я старалась не всхлипывать, но слух брата не удалось обмануть. Он обернулся.

– Лиза, ты чего? – спросил он и, увидев слёзы, бросил тележку и подскочил ко мне. – Что? Что случилось? Ударилась? Поранилась? Где? Покажи! Больно?

– Да нет ничего! Я не ударилась.

– А что случилось?

– Не могу больше, – всхлипнула я, – сил нет.

– Что же ты молчишь? Сказала бы раньше! Ну, не плачь. Давай отдохнём... Вот скамейка, пошли, присядем.

Мы оттащили тележку с тротуара, чтобы она не загораживала дорогу, и присели на лавочку, на наше счастье стоявшую тут, возле изгороди.

На календаре давно уже была весна, стоял апрель, но бы-

ло всё ещё холодно, градусов восемь-десять, что для такой мерзлячки, как я, было равносильно морозу. Несколько минут мы с Гилей просидели, молча обнявшись. Потрогав мои онемевшие пальцы, он сказал:

– Эх, ты, лягушка холодная! Весна на дворе, а ты мёрзнешь!

У меня даже не было сил улыбнуться его шутке. Помолчав, я сказала:

– Я домой хочу.

– И я хочу. А ещё так кушать хочется...

– Нет, ты не понял, я домой хочу, в Могилёв... Как ты думаешь, наш дом цел?

– Вряд ли, – лицо брата помрачнело, – хотя... может быть, какое-нибудь чудо. Может быть. Будем верить.

– Когда мы уже сможем туда вернуться? Скоро уже два года как мы здесь торчим. Сколько ещё нам тут быть?

– Дедушка Исаак сказал бы: “Только Богу это ведомо”, – грустно улыбнулся Гиля. – Пока война не закончится. В Могилёве сейчас немцы. Нам туда нельзя. Представляешь, что бы с нами было, останься мы там? Если бы мама тогда не потащила нас... сегодня нас, возможно, уже бы не было. А мы живы всем ветрам назло! И война, и голод, и эта тележка с углём, – всё это когда-нибудь закончится, и тогда мы сможем вернуться в Могилёв, окончим школу, поступим в институт, будем жить.

В последних словах брата мне послышались победные

нотки, и уснувшая было надежда вновь яркой звёздочкой вспыхнула в сером апрельском небе, вернув терпение и придав силы для продолжения борьбы.

XI. “Сына не отдам!”

Новости с фронтов перестали быть столь удручающими, как в самом начале войны, и наряду с тяжёлыми потерями сообщалось об освобождённых от фашистов городах. Летом 1943 года в тяжелейших сражениях на Курской дуге Красная Армия одержала победу. В честь освобождения Орла и Белгорода в Москве был произведён первый артиллерийский салют. Взятием Харькова завершилась 50-дневная Курская битва. Советские войска подошли к Днепру. Гитлер заявил: “Скорее Днепр потечёт обратно, нежели русские преодолеют его”. Но в сентябре части Красной Армии форсировали Днепр, и началось освобождение территории Белоруссии от немецкой оккупации. Неудивительно, что теперь мы с ещё большим волнением слушали новостные сводки и ещё больше, чем прежде радовались известиям о каждом километре отвоёванной земли... Костюковичи, Климовичи, Кричев, Дрибин, Гомель... Придёт и наш черёд.

В эти дни я всё чаще вспоминала, как однажды, ещё в начале 42-го, я случайно услышала слова учительницы истории. Поднимаясь по лестнице, я столкнулась с Викторией Владимировной, которая в разговоре с коллегой обронила следующую фразу: “Гитлер пошёл против евреев, – он проиграет”.

Родители по-прежнему целыми днями с утра до вечера работали на заводе без выходных и отпусков, как и миллионы советских граждан, трудящихся в эти годы в тылу. Мы их почти не видели. Особенно страдал от этого маленький Алик – брат и сестра, как ни старались, не могли заменить ему маму с папой. Он часто оставался один, привык сам себя развлекать и играть в одиночестве. Возможно, поэтому он рос тихим, замкнутым и скрытным ребёнком. Приходя с детского сада, он обычно садился в уголке и начинал играть в какие-то только ему известные игры. Ему частенько приходилось оставаться одному дома, потому что мы с Гилей, уходя, не могли брать его с собой. В такие дни, возвращаясь, мы нередко находили его сидящим с Любовью Николаевной: она поила его чаем с печеньем. Нам было неудобно, мы начинали извиняться за причинённое беспокойство, на что хозяйка обычно отвечала:

– Ну, какое беспокойство? Разве ваш братик может кому-то помешать?

Любовь Николаевна Столбова была высокая, полноватая, интересная женщина лет тридцати пяти – тридцати семи. При первой встрече она показалась нам слегка надменной, но мы её не осуждали, – не каждый человек способен радоваться непрошеным гостям. Позже эта надменность прошла, и наши отношения с хозяйкой стали вполне терпимыми. Мы, как могли, старались ни в чём не мешать хозяевам, и даже несколько раз слышали от Любви Николаевны, что ей по-

везло с поселенцами. Она работала в каком-то магазине, кажется, там же, где и муж. Чета Столбовых, судя по всему, жила неплохо и, если бы не война, жила бы ещё лучше. Лишь одно обстоятельство огорчало жену и омрачало отношения супругов – отсутствие детей. Обо всём об этом однажды поведала маме сама Любовь Николаевна.

Как-то вечером наша хозяйка пригласила маму к себе на кухню и, угостив чаем, завела с ней разговор.

– Лена, мы с вами уже два года как под одной крышей живём, – начала Любовь Николаевна, – и хотя вы ничего о себе не рассказываете, мне кажется, ваша жизнь была интересной.

– Ничего интересного, – ответила мама.

– Что-то не верится, – сказала Любовь Николаевна. – В вас какая-то загадка. Скажите, где вы научились со всеми ладить? Как вам это удаётся? Может, что-то в вашем прошлом было такое необычное?

– Нет, – улыбнувшись, ответила мама, – я просто не умею ругаться.

– Да, это видно! Я вот тоже не очень большая охотница спорить. Так... только если уж очень доведут. Но при моей работе, знаете, одни нервы. Но зато обеспеченность. Меня Павел Васильевич туда устроил, когда мы с ним поженились. До этого я официанткой работала в столовой – тоже, знаете, не сахар. Там мы с мужем и познакомились. Он хорошую должность имел, перспективный, ухаживал... ну, я и пошла

за него. Вот уже десять лет как живём. Только вот детей не нажили. У Павла Васильевича есть дочка от первого брака, но он всегда о сыне мечтал, а я вот не могу...

Мама была слегка удивлена таким приступом откровенности, но никак не могла прервать эту странную исповедь.

– У вас такая хорошая семья, – продолжала Любовь Николаевна, – дети такие хорошие, послушные, воспитанные. Но, наверно, иногда трудно бывает?

– Нет, мне дети очень помогают, – ответила мама.

– Да, ваши старшие молодцы! Но всё-таки, Лена, мы же видим, как вам тяжело. В теперешнее время прокормить семью, где трое детей – это не просто.

– Все так живут. Все понимают, что война закончится и всё станет на свои места.

– Ну, когда ещё она закончится, не известно... Лена, послушайте меня, – Любовь Николаевна взглянула маме в глаза, – мы тут решили с Павлом Васильевичем... У вас трое детей и вам тяжело, что бы вы не говорили...

– Вы хотите, чтобы мы ушли? – упавшим голосом спросила мама.

– Да, нет, что вы? Зачем? Во-первых, был приказ о вашем подселении. А во-вторых вы, как жильцы мне не мешаете... Я не об этом. Дело в том, что... я хотела сказать вам, я хотела предложить... – хозяйка замялась.

– Что вы хотели предложить?

– Отдайте нам Алика!

– Как отдать? – не поняла мама.

– Отдайте насовсем! Мы его усыновим, он нам будет, как родной, у него всё будет...

– Любовь Николаевна!

– Ну, вы же еле сводите концы с концами! Вам есть нечего, он совсем не растёт у вас! У нас ему лучше будет! А вам меньше ртов кормить...

Мама поднялась и, не глядя в глаза Столбовой, тихо, но твёрдо сказала:

– Даже если буду с голоду помирать, я сына не отдам!

ХII. Алик

В 1943 году Гиля окончил девятый класс и поступил в Ленинградское высшее авиационное училище, которое, как и многие другие учебные заведения и предприятия, было эвакуировано. В это училище принимали толковых ребят, прошедших экзамены, уже после восьмого класса, – стране нужны были специалисты. Гилю же взяли в училище без экзаменов, только на основании отличной успеваемости в школе – трудностей в учёбе для него словно не существовало. После занятий он подрабатывал грузчиком на вокзале. Дома мы его теперь мало видели. В том же году Алик пошёл в первый класс.

Мама ушла с завода и устроилась работать в подсобном хозяйстве того же авиационного училища. Там выращивали овощи, и мама, уходя домой, брала с собой маленький кочан капусты, каждый день рискуя жизнью, чтобы нас накормить. За кочан капусты можно было получить очень серьёзный срок. Те, кто это видел, отворачивались, делая вид, что ничего не замечают, и также рисковали, потому что за недонесение тоже могли поплатиться. Но в мире всегда наряду с подлостью и жестокостью встречаются и сострадание с милосердием. Эти люди знали, что кочан капусты спасал от голода троих детей, и совесть заставляла их идти на должностное преступление и рисковать ради чужих жизней.

После того разговора с хозяйкой маме тяжело и неловко было встречаться с ней взглядом, хотя Любовь Николаевна старалась скрыть своё разочарование.

Надо сказать, что Столбовы, вопреки нашим опасениям, с самого начала отнеслись к нашему присутствию в доме с пониманием. Не выказывая особого удовольствия от нашего общества, они, однако, не проявляли и неприязни по отношению к нам. Мы слышали разные истории от людей, оказавшихся в том же положении, что и мы, – Троицк, как и вся Челябинская область, были переполнены эвакуированными. Отношение к ним местного населения было очень разным: от тёплого, дружеского, почти родственного приёма и искреннего стремления помочь и поддержать, до полного равнодушия к чужой беде и нежелания понять ситуацию и даже проявлений враждебности по отношению к людям, бежавшим от смерти в надежде найти приют и понимание среди своих. Рассказывали о случаях нешуточных столкновений местных жителей с беженцами, когда дело доходило до вмешательства милиции. И хотя такие случаи были нередки, в них всё равно не хотелось верить. Помню, как мама говорила по этому поводу: “Неужели возможно такое?! Чтобы советские граждане так поступали друг с другом!” В возможности и реальности таких поступков ей пришлось убедиться самым страшным образом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.